

Максим ШВЕЦ

СКВОЗЬ ВРЕМЯ

РЕНОМЕ
Санкт-Петербург
2007

СКВОЗЬ ВРЕМЯ

ББК 84. Р7
Ш 35

Редактор – Щепотьев С.И.
Художник-дизайнер – Марина Ясыченко

Швец М.Ю.

Ш 35 Сквозь время – СПб.: «Реноме», 2007 – 124 с.; илл.

ISBN 978-5-98947-056-3

Четвёртая книга поэта, прозаика и критика включает в себя четыре поэтических сборника, являющиеся фактическим продолжением друг друга.

ББК 84. Р7
Ш 35

© Швец М.Ю.
© «Реноме»

ФОНАРИ

Фонари мои – фениксы, соколы;
всё до фени – моим фонарям;
всё блестят непротертыми стеклами,
всё летают, все ждут, всё горят.

Кто им дал эти перья привольные
и фривольные позы вручил?
Фонари мои – свечи безмолвия
и фаланга фантазий в ночи.

Со скучающим видом фиасковым,
я фатально гляжу за окно.
Бредит фатаморгана рассказами
о твоей красоте неземной.

Фонарей золотая флотилия,
в адмиральских погонах пловцы;
как форели, фантомы фланируют
под фисташковой рябью листвы.

В фиолетовом небе – светильники,
абрикосно-сухие цветы,
теплокожие фиги и финики
или факелы в форме «фиты».

Фонари мои ходят фигурами.
На «фу-фу» меня взяли, на понт,
обвели, обыграли, офурили
и вернули в тюремный фургон.

Фонари мои – фишки и фантики,
всё – туфта, всё – фанера, фуфло.
В небе – филины, толстые ватные,
всё блестят непротертым стеклом.

Свет, жизнь и любовь в поэзии Максима Швецa

Как же много света в этой книге Максима Швецa! Света – во всех его мыслимых и немислимых проявлениях. Свет проходит сквозь теплый дождь, видоизменяясь и вырисовывая нежные, акварельные картины, летит сквозь окна с тонкими занавесками, золотистым ореолом освещает лик любимой женщины. Свет – это улыбка возлюбленной и улыбка спящего ребенка.

Поэзия Максима Швецa уютна и нежна. В ней нет вычурности и нарочитой красоты – но зато есть красота, и умение видеть свет не только «в конце тоннеля», а буквально повсюду. Для Максима не существует черного цвета как такового, черный фон неба – повод изобразить на нем сияющие в своей красоте звезды и луну, цвет черного платья навеивает на мысль о вечере вдвоем.

Женщина светится любовью, когда любовь мужчины пронизывает каждую клеточку ее тела, помните есенинское: «Если душу вылюбить до дна, сердце станет глыбой золотою». Когда молекулы женщины, ее эфирное тело перемешиваются с молекулами любви, вместе с ней, они составляют одно светящееся целое. Через образ возлюбленной просвечивает образ самого поэта – двойной портрет любви.

Любители выискивать в стихах многотрудные конструкции, возможно, удивятся, наткнувшись на простые и удивительно ясные стихи Максима Швецa, простые, как капля воды с заключенным в ней солнцем и вселенной.

Словом, не такие уж и простые, как это может показаться при первом прочтении, эти срифмованные образы – заключенная в строфы жизнь...

Мастерски владея словом и стихотворной формой, Максим не пытается потворствовать вкусам публики, и вымерять гармонию алгеброй, как это стал бы делать послушный и покорный заученной методе школяр. Как раз наоборот, Максим может вдруг оборвать мягко льющесее повествование, точно выключив свет в комнате. «Всё, рифмы, спать пора. Завтра мне еще подниматься ни свет, ни заря! А вы тут разгалделись».

А то вдруг идеально простроенное и вымеренное стихотворение, как бы ни с того, ни с сего, начинает хромать. Печально-виноватая улыбка последнего катрена, – мол, простите, радикулит-с замучил.

Или неожиданно может употребить корявую с виду строчку, неправильную, какую-то вывернутую и скособоченную рифму, из-за которой все его стихотворение вдруг начнет подволакивать стихотворные ноги, шамкая беззубым ртом, и косясь на изумленного читателя с видом явившегося из небытия персонажа «Капричоса» Гойи.

Почему бы и нет? Поэт волен принимать любой образ и в равной степени являть миру воспетую и вознесенную на небывалую высоту обыденную жизнь и воплощенные сны. Ведь истинная поэзия отличается от поэзии мертвой, единственно наличием в ней жизни. А жизнь бьет живым, сверкающим родником в поэзии Максима Швецa и в книге «Сквозь время».

И последнее, многие поэты начинали свои стихотворения с местоимения «Я»: как говорится, от Пушкина – до Кушнера. Всем это известно. Поразительная особенность – Максим большинство стихотворений начинает с местоимения «Мы».

А это уже тема для научного исследования...

Юлия Андреева

ПОЭМА В КАМНЕ

СКВОЗЬ ВРЕМЯ

*

Всё пройдено. И всё, как мир, старо.
Словно венки, надежды возлагаем.
Окисленное неба серебро.
Заката стеарин – за облаками.

Лампады золотые фонарей.
Лоб прошлого в морщинках – под печатью.
Привычно всё. Не страшно умереть.
Не стыдно даже жизнь начать сначала.

*

Тенисты парки. Тинисты пруды.
Терновый прах и теньканье пернатых.
Мы встретились. Разлука – позади,
и мне совсем не хочется обратно.

Другие дни. Другая тишина.
С одной расстались. Встретилась другая.
Но так же листья влажные шумят,
и точно так же шелестит бумага.

*

Мы тёрлись лбами, словно облака
или деревья, выросшие рядом,
друг друга обхватив, полубняв
руками, словно гибкими ветвями.
И если бы не губы, не глаза
с улыбкой и пронзительным мерцаньем,
не световые блики в волосах,
которые теперь мне снятся,
и если бы не запах дождевой,
который мне мерещится повсюду,
не жгучая взыскательность тревог, –
я без тебя не прожил бы и суток.

*

И вот мы рядом. Нежная луна
твоё плечо обмахивает кистью.
Ты сбрасываешь прошлое до дна,
всё, что прекрасно в нем
и ненавистно;

всё,

вместе с юбкой и бельем,

всё,

без кокетства и стеснения.

Навстречу шаг, и мы – вдвоём,
одни, под лёгким лунным снегом.

*

Почему ты солнце не застишь?
Вместе с ним мне глаза слепишь?
Хна волос твоих тёмно-красных
шелестит, как в воде – камыш.

Поцелуев розовых брызги –
на лице моём, на руках...
И глаза, норовя закрыться,
начинают смешно моргать.

*

Ты приходишь ко мне, как солнце:
или вечером, или утром.
Заглянув на одну минуту,
навсегда со мной остаёшься.

*

Тонкий снег пузырится на солнце,
словно пена в бокале с шампанским.
Прохожу мимо сквера, сонный,
начинают листья шептаться.

*

Когда становишься моей,
качаешь ласковой зыбей,

несущих в море корабли
до неизведанной земли.

Поднявшись ветром надо мной,
живой воздушною волной

меня охватываешь вся,
как сильный ветер – паруса.

Раскинешься, как небо, вдруг,
разгладишь каждый свой бурун...

Потом становишься огнём,
широким солнцем, знойным днём.

Чуть только плыли облака –
и вмиг пожар запылал...

Горячий ливень и земля –
тиха здесь гавань и тепла.

Обетованный берег твой –
и несмолкающий прибой.

Когда я становлюсь твоим,
я чувствую, что я любим.

И ты, шутя, играешь мной –
морской стихией и земной,

Воздушным, огненным крылом –
со мной, как с малым кораблем.

*

Ты замираешь. Смотришь в темноту.
За окнами потрескивает ветер.
Не верил я, что я тебя найду.
Не верил, не надеялся, но встретил.

Окно – в окне, глаза – в твоих глазах,
и тонкая слезинка поволока...
Соль на губах, и волосы скользят
между ладоней, падая на локоть.

*

Мне кажется, что ты была всегда.
Живём мы вместе долгие года.

И рядом с нами – это наша дочь.
И этот дом давно – наш общий дом.

Когда – давно? – Три тысячи веков.
С тех пор, как я узнал, кто я такой.

С тех пор, как научился говорить,
встал на ноги и отрастил вихры.

С тобою мне и горе – не беда,
исчезла скука в доме без следа.

И даже если ты ворчишь,
с причинами иль вовсе без причин,

я у тебя прощения прошу –
одним с тобой я воздухом дышу.

Одно нас греет вечное тепло.
Мы за одним с тобой сидим столом.

Одна у нас работа и еда.
И знаем мы, что это навсегда.

*

Охваченная пламенем и льдом,
с копной ветвей откинутых, берёзка,
как девушка без шапки и пальто,
стоит на зимнем солнце и смеётся.

И, словно брызги звонкие, «хрусталь»
сверкает яркой радугой небесной –
сосульки тонких прутиков блестят
все в паутинках тающего блеска.

*

Чем пахнут волосы любимых?
– Цветами, листьями, дождём,
мороженым или клубникой,
живой озёрною водой.

Чем пахнут? – Редкими духами.
Горячим кофе. Коньяком.
Сиренями благоухают
обворожительно легко.

Чем пахнут кудри наших милых
законных, незаконных жен?
– Теплом – спросонок, маслом, мылом,
землёй, росистою межой.

Чем пахнут? – Белыми грибами,
рябиной сладкою в снегу,
руками нашими, губами,
и сеном высушим – в стогу...

Дыханьем ветра, светом солнца,
огнём и дымом от костра
твоя каштановая россыпь
всю зиму пахнет неспроста.

Ни порошками, ни порошей
не заглушить в ней аромат!
Дай, тебе волосы взъерошу
и сразу кончится зима.

*

Краснеет солнце. Красит неба край.
Кругами ночь спускается на город.
И снежная зернистая икра
подёрнулась на подступах к забору
кудрявой рябью, сеткой из теней.
Крепки кривые доски и корявы.
Всклочённый воздух скоро, посинев,
покроется ночными фонарями.

*

На липах выступила зелень,
канавки вымыло во льду.
Каштаны, тополя и ели...
Берёзы замерли в саду.

Решётка, снежные поляны
и мячиками воробьи,
катясь, подскакивают плавно
над сетью лужиц голубых.

Во всех возможных направлениях
проходит невесомый свет.
Цвета становятся теплее
у недевщихся ветвей.

Капели звякают задорно,
словно весёлый клавесин,
играют шустрые аккорды,
резвясь в предчувствии весны.

*

Прошла зима. Смотри, зима прошла.
Черёмуха цветёт, благоухая.
И листики задорней лягушат
пищат и скачут, не переставая.
Прошла зима. В народе говорят:
Черёмуха цветёт, а люди мёрзнут.
И всё же – зелень в парках и дворах,
и ночью небо стало полнозвёздным.

*

Зазеленело дерево любви,
раскрыло веток нежные объятия,
обвило и накрыло нас двоих,
под тонкой сенью лиственной спрятал.

Пусть слишком хрупкой кажется другим
защита эта, слишком ненадёжной,
но мы-то знаем – беды и враги
бессильны перед нею и ничтожны.

*

Похолоданье. Ранняя весна.
Черёмуха в наряде подвенечном.
Серебряные капельки блестят
серёжками в каштановых колечках.
Круг света, аромата ореол.
Сияешь вся, любимая, лучишься.
Прошло сто лет, а может, миллион
и мы нашли друг друга, –
так случилось.

*

Туман висит, как чистое бельё,
прохладной синевою отливая.
Вода стечёт и улицы польёт,
и заблестит, вся в лужах, мостовая.

И поцелуев влажный холодок
почувствуешь лицом или руками,
когда по светлым улицам пойдёшь,
на пологи сырые натыкаясь.

И, выйдя в невесомом полусне,
взбодришься, незаметно просыпаясь,
поеживаясь зябко, в зыбкий снег,
как будто в хлопья мыльные, вступаая.

*

Не хочется из дома выходить
на улицу,
 где слишком много света;
где смешан с талым запахом воды,
смолистый запах тополиных веток;
где подсыхает войлоком трава,
под снегом пролежавшая всю зиму;
где облаков туманных острова
лежат на карте неба светло-синей.

*

Луна лимонной долькой
сквозь небо простушила,
а небо голубое,
глубокое, любимое.

Луна – кружок лимона –
мерцает над проспектом,
а светофоры солнцу
подмигивают светом.

*

Ощущение света
подспудным звериным чутьём.
Пальцы солнца опять
у тебя в волосах заблудились.
Белый ворох дождя
за стеною шумит и цветёт,
словно сад на ветру,
полая крылом лебединым.
Ощущение света
сквозь свитер и плед шерстяной.
Ощущение жизни
в дыхании, в яркости взгляда.
Пахнут губы твои,
словно первый подснежник весной,
а когда их целую,
внутри всё сжимается сладко.
Чтобы чаще смеялась,
над всем без разбора шучу.
Твои губы на вкус
с обжигающей нежной кислинкой.
Терпким ливнем обрызгал
их еле заметно, чуть-чуть,
свежий утренний ветер,
в окно залетевший с залива.
Ощущение света во всём:
в хрупком жесте руки,
в повороте лица,
в каждом вздохе и сказанном слове.
Через тысячу лет,
когда будем совсем старики,
это чувство храня,
назовём его нашей любовью.

*

Холодный воздух, улочная пыль.
Льда антрацит – наколотый кусками.
Но солнце светит, светит и слепит,
теплом на ощупь бархатным лаская.

Любимой пальцы тонкие насквозь
погладили мне губы осторожно,
и ветерок над бледностью висков
её дыханьем волосы взъерошил.

*

Листья вертятся на ветру
шелестящими мотыльками.
Поднимается дым из труб.
Лунный серп в облаках мелькает.

Тонкой корочкой ледяной
и ажурной тифелькой бальной
лунный серп плывёт надо мной
в синеве... И я улыбаюсь.

На ботинках песок хрустит,
и мороз обдирает щёки.
Я курю, миновав кусты,
на ходу зажигалкой щёлкнув.

Слева парк оставляю, там
ещё снег на корнях белеет.
Голубям раздолье летать
на сухих голубых аллеях.

Справа – стены. Защитный цвет.
Впереди – целый день работы.
А потом... А потом – за дверь,
и – домой, и – всю ночь с тобою.

*

Ночь с тобой – это ночь с тобой.
Ночь с тобой – непростая ночь.
Шелковистых волос клубок
распускается за спиной,
на лопатках твоих, плечах,
накрывая ладони мне.
Разгорается взор, лучась,
у тебя всё ясней и сильнее.
Словно свет, обнимаешь ты
всем сияньем своим ночным,
окатив меня, охватив,
и окутав в свои лучи.
Ночь с тобой – это ночь с тобой.
До полуночи не заснуть...
Будет утренний сон глубок
и спокоен, как Млечный Путь.

*

Южный ветер, сухой и тёплый,
теребит облаков вуаль.
В смокинг тени одетый тополь
с тонкой вербой танцует вальс.
Голубь в лужу залез – купаться.
Переливчат солнечный свет.
И обломками зимний панцирь
не спеша плывет по Неве.

*

Просыпаешься постепенно,
как из озера выходя.
По плечам, по бёдрам, коленям
сонной неги течёт вода.

На лице ощущаешь воздух,
на груди, потом – на локтях.
Начинаешь тихонько ёрзать,
слышишь – трубы в кухне пыхтят.

Подсознательно понимаешь:
рядом – милая, спит ещё.
Всё плывет в золотом тумане,
в свете солнца сквозь щели штор.

Щебетание птиц и рокот
грузовых тяжёлых машин
набирают силу и громкость,
пробуждая в сознание жизнь.

Просыпаешься неохотно
и медлительно, и лентясь.
Как из ласковых волн выходишь,
не раскрыв слепившихся глаз.

*

Весна. Махнём на острова.
Пройдёмся по сухим аллеям.
И, глядя на других зевак,
я тоже сделаюсь смелее.

Без колебаний обниму
за талию или за плечи.
Поведаю, что стоит мук
в разлуке проведённый вечер.

Куплю тебе... Нет, не цветы.
Мороженое с земляникой.
Ты робко вафлей похрустишь,
заулыбаешься стыдливо.

Как будто мы не муж с женой
и не живём в одной квартире,
ты будешь гордою со мной
и недоступной, и строптивой.

Вот посмеёмся, возвратясь
в родные стены и заботы.
И в эту ночь, как в первый раз,
до света не уснём с тобою.

*

Мне хорошо, как в небе голубом,
припорошённом розовым и белым.
И мы – два облака, пльвём,
не зная ни границы, ни предела.

Ты распускаешь юбки парашют,
я встряхиваю жесткими вихрами,
и с наслажденьем радостно дышу,
а ты в моих объятьях замираешь.

Мы исчезаем в ласковых волнах
прозрачного и тёплого заката.
Уходим до утра в долину сна
по светлым лужам, гладким и зеркальным.

*

Оранжевые яркие шары –
осенних крон мохнатых абажур,
светясь волшебю изнутри,
дрожат в автомашинном шуме,
в опрыскивании медленном дождя,
в бушующем огне порывов ветра,
и листья, словно стекла в витражах
подрагивают разноцветно.

*

Весна. Трава меняет цвет.
От почек ветки стали гуще.
Рябит бензиновая цвель
в сердито сморщившихся лужах.

Небесный океан молчит,
валы для шторма собирая.
И солнца талые лучи
поблёскивают янтарями.

Клочками пены облака
подрагивают, распаясь.
Не приедается никак
весна прекрасная с годами.

*

Так проходит земная слава.
Пыль земная во рту хрустит.
На червонцах орлы двуглавы,
высоки на церквах кресты.
Заболоченных кладбищ сырость,
зыбкий грунт, колокольный звон...
И весна возвращает миру
всё, что отнято у него.

*

Ждёшь и ждёшь,
а дождь прошёл.
Тают, тают лужи.
А у солнца капюшон
белый и воздушный.

В сквере, в сквере
трын-трава
вьётся, зеленеет.
Вишен цвет витиеват
на ветвях над нею.

Ходит стрелка
так и сяк,
словно так и нужно.
А на яблоне висят
белые игрушки.

Ждёшь и ждёшь,
и чай остыл.
В кухне дым клубами.
Где ты, где ты?
Где же ты?!
Нежно улыбаюсь.

Я почувствовал... Сейчас –
позвонишь у двери.

.....

Так и есть. Иду встречать.
Веришь ли – не веришь?

*

Я тебя по шагам узнаю.
Слышишь – вот они раздаются.
Всё, что в жизни случится с нами,
умещается в чайном блюде.

И страна, и дела, и время
отразились в остывшем чае.
Вот и ты. Заходи скорее,
а то я без тебя скучаю.

*

Быть не может! С твоих ладоней
собираю цветы губами.
Беззастенчиво улыбаюсь
и ловлю аромат медовый.

В сноп волос с колосками солнца
задуваю пальцев пушинки,
шелестящий свет шелушится
и щекочется невесомо.

Так и есть. К груди прижимаю,
словно небо – белую тучку.
И летим между солнцем жгучим
и лежащим в лугах туманом.

*

Хочу я в руки взять твою ладонь,
так взять её, как птенчика живого,
и прямо изо рта поить водой,
и в небо поднимать над головою.
Закрыв глаза, держать его в руках,
держать его обеими руками.
Учить летать и в воздух отпускать,
но чтобы возвращался, откликаясь.

*

Всё – от тебя.
Из глаз твоих – роса.
Из губ – рассвет
и ветер из ладоней.
Не будь тебя, и я бы не писал,
перешагнув в молчанье золотое;
перо бы покоробилось листом,
все пожелтев от времени и крови,
упало бы, засохшее, на стол;
страница бы потрескалась корою.

Всё – от тебя.
Из глаз твоих – дожди.
Из губ – цветы,
плоды – из рук наклонных.
Не будь тебя, кто б душу разбудил?
кто б выпростал на волю из пеленок?
кто б оторвал, кто б поднял
над землей,
как поднимает деревце макушку?
кто б подал руку, выпрямил крыло?
кто бы раздул огонь потухший?

Всё – от тебя.
Из глаз твоих – снега,
из губ – дыханье,
искорки – из пальцев.
Ты виновата. Ты – и навсегда.
Ты учишь тосковать и улыбаться.
На улицах твоих цветёт сирень,
нет – облака, облитые закатом;
и даже тень любая во дворе,
в твоём дворе – не тина,
а сверканье.

Всё – от тебя!
Из глаз твоих – гроза,
из губ – туман,
из рук раскрытых – почки.
Но кто ты есть,
я не могу сказать.
Наверное, и сам не знаю точно.

Всё – от тебя...

*

Я – есть. Ты – есть.
Мы оба – на земле,
забытой Богом
маленькой планетке;
и никого вокруг
за сотни лет,
и даже больше,
не было и нету.

*

Не сумерки. Не ночь. Не белый день.
Что делать в небе на глазах у черни?
На солнце плавать, словно на ладье.
Есть облаков хрустящее печенье.
Искать сирени крестики в листве
высоких тополей, берёз волнистых,
и ощущать на коже лёгкий свет,
как тонкий шёлк, сухой и серебристый.
Что делать в небе на глазах толпы?
Парить. Парить. И реять над домами.
Смешной вопрос, ведь все внизу слепы,
не чувствуют они, не понимают.

*

Москва мне снится. Синие мосты
и айсберги стеклянных небоскрёбов
плывут в листве, которая блестит,
осыпанная солнцем раскалённым.

Я – в поезде. Я поднят в высоту
пружинящим дрожащим виадуком.
Я вижу всё, как птица – на лету,
запомнить не пытаюсь и обдумать.

Законы сна. В зеркальной тишине
я выхожу на сонном полустанке.
А небо – всё обширней и синей
и воздух бел от солнца над кустами.

Оглядываюсь... Набережной спуск.
Решётка сада.

Может быть – «Нескучный»?

Иду и не боюсь, что заблужусь.
Законы сна – иллюзия и случай.

Я раздаю на улицах Москвы
свой первый сборник*
встречным-поперечным...
и просыпаюсь. Дождик моросит,
и свежесть мне охватывает плечи.

* Первая изданная книга «Священное незавтра», 1994г.

*

Мы – отраженья прошлого в воде.
Дробимся и друг в друга переходим.
Тускнеет наша зыбкая кудель
под вечер и при пасмурной погоде.

Но утром или в полдень
в ясный день
мы на ветру дрожим и копошимся
и, красками в ночи не оскудев,
сверкаем ещё ярче и лучистей.

Сумятица. Волнение. Разброд.
Мы только веселимся и играем.
А прошлое – огромный пароход –
идёт над нами медленно и прямо.

*

Ты где-то рядом. Едешь ли, идёшь.
Торопишься, молчишь, переживаешь...
Летишь, как лёгкий парус, над водой,
весенних луж от солнца рыжеватых.

Расстёгнут плащ и волосы флажком
полощутся, блестя и отклоняясь
вперёд от ветра... Долго ли ещё?..
И ожиданье может быть прекрасным.

Вдыхаешь свежесть с запахом листвы,
быть может, это – водоросли в пене.
Не хочешь ни на миг остановить
свои, как волны синие, колени.

Летишь, с надеждой вглядываясь в даль,
по маякам отыскивая берег.
Прислушиваюсь... Первая вода
приливом тихим плещется за дверью.

*

Стань облаком.
Стань стрункой камыша.
Вмиг обернись
строкою или струйкой.
Вся превратись
мгновенно, не дыша.
Исчезни, возвратись
и дайся в руки.
Сияй, сияй
предутренней звездой.
Дрожи зеркальною
росинкой.
Звени, плечи,
купайся над водой.
Меняй свой цвет
на белый или синий.

Лети, как треугольник.
Бей крылом.
Как бабочка, трещи
в стеклянном небе.
Ко всем стань боком,
а ко мне – лицом,
чтоб по губам прочесть
бессвязный лепет.

Стань лебедем,
стань ландышем,
травой.
Передо мною стань
листом, листенком.
Перевернись
в разливе дождевом,
стань радугой,
стань брызгами на стеклах.

*

Закат сквозил прозрачной бирюзой.
Шли поездов ночные караваны.
Столбы пытались встать на горизонт,
с корнями от опоры отрываясь.
Лежали мухи влёжку на печи.
Шипели яства. Плавились варенья.
И слышно было, как вдали звучит
весёлый голосок свирели.

*

Проходит самый длинный
в жизни день,
обыденно, обычно, незаметно.
Текут часы кругами по воде,
а кажется, что «топчутся» на месте.
Всё – хлопоты, заботы, суета.
Ночь коротка. А завтра –
всё сначала.
Лишь вечером почувствуешь – устал,
посмотришь в даль, как в зеркало,
печально.
Седой закат под гривой сивых туч.
Густые тени свесились с деревьев.
И ясно видно глупость и тщету.
Отчётливо понятно, что стареешь.
Но лес вокруг и звёзды в высоте
во всей недостижимости небесной,
состарясь, словно краски на холсте,
бесследно не исчезнут.

*

Всю ночь не спал.
Всю ночь смотрел в окно.
И сердце всё отчаянней стучало.
Была разлука слишком затяжной.
Был край работы слишком непочатым.
Шли поезда, автобусы, народ.
Приплясывал на месте холодильник.
Я, как звезда, горел среди миров.
Казалось мне,
что – точно посередине.
Заря всю ночь. Гогеновский закат,
как будто на холсте – неугасимый.
Ждал –
когда стукнет время для звонка,
и было ожиданье слишком сильным.
Я брал в ладони нежный Млечный Путь,
как ландышей мерцающую россыпь.
Хотелось рассказать кому-нибудь,
но говорить, дышать мешали слёзы.
Собачий лай. Боталов* перезвон,
стук чьих-то ранних вёдер у колодца.
Со встречей мне опять не повезло,
и я тревожусь, что мне остаётся?
Смотрю в окно. Не спят одни глаза.
И сердце в грудь упёрлось
не на шутку.
Попив воды и губы облизав,
брожу по дому призраком бесщумным.
Вокруг – весь мир.
И звёзды из-под ног
взлетают вверх смешными пузырьками,
и тонкой паутиной за окном
лучи рассвета чистого сверкают.

* Ботало – колокол на шее коровы.

*

На юг, на юг летели города
слоистыми густыми косяками.
В них каждый дом курлыкал и рыдал,
широких кровель крылья распуская.

А люди, пригорюнившись в домах,
смотрели на покинутое место.
Но холод, наступая, словно страх,
гнал бесприютных странников небесных.

Вперёд, вперёд к таинственным мирам,
к экватору, – в тот край обетованный,
где нет пурги и вьюги января,
где даже льда и снега не бывает.

За ними, словно всадники в пыли,
скакали следом тени, спотыкаясь,
и облака бензиновые шли,
тяжелые от копоти и газа.

Попутные и встречные ветра
ломали вышки, трубы и антенны;
и груда проводов, как мощный трал,
тащилась вслед за ними по Вселенной.

На юг, на юг, на тёплые моря.
К китайским соснам, к стройным кипарисам...
И длинный путь изгнания повторял
взгляд человека маленького снизу.

*

Палых листьев солнечные блики
на дорожках парковых лежат.
Рядом – перепутанное лыко
сивого осеннего хвоща.
В золотой мозаике берёзы.
В складках елей – сумерки пещер.
Больше нет желания бороться
с радостью, родившейся в душе.

*

Серебристые листья дождя
облетают с осенних туч,
словно ленты фольги, шурша,
на городском ветру...

*

Сегодня ночь рожденья фонарей,
вернувшихся на зимние квартиры.
Они пришли работать и гореть,
на прежних перекрестках разместились.

*

Снег – на Покров. Осенняя капель.
Янтарных листьев хлопья кучевые.
И то, чего сегодня не успел,
не сделаешь и завтра, очевидно.

*

Холодный ветер. Больше ничего.
И хлопья снега падают наклонно.
Всё небо – в тучах.
Город – под чехлом.
А на окне – засвеченная плёнка.

*

И пар ветвей стеклярусом блестит,
и рябь позёмки мнётся под ногами,
и на клочки разорваны листы
шершавой гуттаперчевой бумаги.

Подуй на руку. Может, заживёт.
В глазах твоих блуждает отсвет лунный.
И поздней ночи синий шевиот
качается за окнами на струнах.

*

Ростки цветов. Папирус папирос.
Одѐжной щѣткой свѣрнутая хвоя.
Снег голубой, как медный купорос,
и месяц золотой над головою.

На улице фонтан. Во все цвета
ночь утренняя город одевает.
Замѣрз. Разверзлась пустота,
и отступила, звѣзд не задевая.

*

Идут часы. Идут года.
На окнах – зимняя замаска.
Через полгода жди дождя,
а, может, через четверть часа.

Деревенеет снег, скрипит,
как половицы в старом доме.
Мир ничего не накопил
и ничего не сэкономил.

*

Всѣ голубое. Иней облаков.
Морозит ветер, дует, замедает.
Снег жѣлтый, как парное молоко,
и пена льда ажурная, густая.

Могучий лес подсинивает луг
своею тенью мягкой и нечѣткой.
Сноп солнца. Его тѣплый поцелуй
в шершавую обветренную щѣку.

На зелень елей золото лучей
рассыпано, как дождик новогодний.
Пушистый дым над трубами печей
стоит хвостами... Ясная погода.

И краснопузый маленький снегирь,
как зрелый плод, – на яблонево́й ветке.
Навозом пахнет, деревом сухим
и едким дымом первой сигареты.

*

Горячий кофе. Холодный чай.
Серое небо и белый снег.
Конфорка горит. – Корона? Свеча?
За окном начинает темнеть.

Льдистая ваза, – букет, макет –
засохшая ветка в белых цветах.
Мелкие рисинки в чистой муке.
Здравствуйте, Красота!

*

Прежде чем идти через улицу,
задумайся, остановись.
На той стороне улицы
может быть, новая жизнь.

Светофор пешеходный тикает
весело, как часы.
Снега сиянье тихое
в свете витрин висит.

И невозможно выдумать:
что там – на той стороне?
С победами ли, с обидами
столкнёшься среди огней?

Потому, идя через улицу,
за руку мою держись.
На той стороне улицы,
быть может, новая жизнь.

*

Начинается ночь на моей стороне.
Зажигает огни фонарей
город львов золотокрылых, и буйных коней,
и чугунных больших якорей.
Над мостами решётки, колонны дворцов.
Под мостами – Нева в толстом белом пальто,
расстегнувшись, лежит, запрокинув лицо,
а по улицам ровным позёмка метёт.
Начинается ночь на моей стороне
и рекламы цветные летят, словно сны.
Сколько зим? Сколько лет? Кто из нас постарел?
Почему я так жажду прихода весны?
Словно мраморный кит, старый остров стоит.
Долго жили на нём и землёй обросли.
Напечатали денег. Оделись в гранит.
Храм, и кладбище есть, и свои корабли.
Через смутные ветры с весёлой пургой,
через все перекрёстки в фабричном дыму
ночь идёт под луной, и зеркальной фольгой
покрывает асфальт, уходящий во тьму.
Начинается ночь на моей стороне,
зажигает свои фонари,
словно вдруг закурив миллион сигарет,
словно веками окна прикрыв.

*
Сама печаль прошла передо мной
с улыбкой светлой и прощальной,
блистая красотой неземной
и мертвой тишиною оглушая.

Прошла, словно холодный ветерок,
и облачком на солнце набежала...
И сердце, точно вечером цветок,
в груди произвольно ждалось.

Потупив взор огромных странных глаз,
прошествовала, даже не взглянула.
Но больно так в душе отозвалась
уже не предстоящая разлука.

*

Превыше звёзд и утвари земной,
мирской любви и музыки небесной,
есть в мире над тобой и надо мной
святое откровенье Благовестья.

Пусть вихрями клубится пустота
и мёртвой тишиною скован космос,
но вера есть в Воскресшего Христа,
в Его Любовь с улыбкою сквозь слезы.

*

Я тоскую по осени этой весной.
Осень – это начало года.
Никто не знает сколько всего
можно сделать, вернувшись в город
после дачного лета с его ленцой,
с лихорадочной заготовкой
грибов, и ягод, и огурцов,
после всех рюкзаков, котомок,
после длинной дороги, сумбура, ссор,
после всплакиваний прощальных...
Я тоскую по осени этой весной,
как обычно, когда я счастлив.

*

Я смотрю на эти тени
на замёрзшем стекле.
Я смотрю на эти стены
и огни фонарей.
И цветной под фонарями
искрится снег,
и не видно очертаний
тополей во тьме.

Я смотрю на эти тени и вижу тебя,
словно волосы тебе закрывают глаза.
Растрепались и упали на лоб и лицо.
Ты их тонкими руками отводишь назад.

Я смотрю на эти тени
на той стороне.
Я смотрю на отраженья в моём окне.
Белый шкаф висит посудный
на белой стене,
и на нем стоит зелёный
цветок в горшке.

И я знаю, что ты рядом,
что ты не спишь;
что не можешь отступить
в силу разных причин.
Я смотрю на эти окна
в домах без крыш.
И я слышу в тишине,
как ты грустно молчишь.

Я смотрю на эти тени,
и я вижу тебя.
Ты сутулишься над книгой
и не можешь читать.
И по венам на руках
я бы мог погадать.
Сквозь очки ещё огромней
твои глаза.

*

Я вышел из дома
на улицу новых вестей.
Подъезд охраняла дворняга
на лапах коротких.
И снег ледяной,
как песок, под ногами хрустел
на кем-то протоптанной
в свежем заносе дороге.
Хотелось бы нам
все дела довести до ума,
но только опять и опять
поутру не проснуться.
И каждый из глаз,
как оттянутый книзу карман,
наполненный сном недовыспанным
и безыскусным.
Я вышел из дома на холод,
под небо земли.
И ветер застрял на груди,
разорвав мою куртку.
И окна смежённые
вслед не смотрели из мглы.
И только по солнцу я знал –
начинается утро.

*

Весна не пришла
слишком солнечно, слишком светло.
И снежной постели намёк
чересчур откровенен.
Ей ветер не шепчет
прекрасных и ласковых слов,
не кутает нежно
ей облаком тёплым колени.

Весна не пришла
в этот город на самом краю,
где смёрзшийся торф
твёрже камня, которым мостили.
Лишь птицы одни,
как предвестницы счастья, поют,
да звонкой капели
взрываются всплески густые.

*

Холодная хрустальная весна...
Томительно вытаскивает наледь.
В землистый цвет окрашенный асфальт,
и жёлтые промоины в канале.
Промозглый ветер. Синий небосвод.
Набухшей почкой солнце золотое.
И мартовской гвоздики кустовой
прозрачно-розоватые бутоны.
Снег ноздреват. Дыхание земли.
На старых стенах бороды сосулек.
Наш странный мир – всего лишь лёгкий блик
на первобытном вечности рисунке.

*

Жестокий ветер. Ветер перемен
швыряет градом, твёрдым и холодным,
в прохожих, кто укрыться не сумел
под крыши, транспаранты и полотна.

Ломает ветки, кроны шелушит,
и гонит шквалом старые газеты.
Жестокий ветер, ветер без души.
И люди ищут норки и лазейки.

Коробки, скорлупа и кожура
волной летят, вскипела мостовая.
Стою один под ветром, как дурак,
и заслонить лица не успеваю.

Вокруг шумит, автобусы идут,
гремят по жести градины тугие.
Трещит стекло, стволы скрипят в саду,
стоят безмолвно мёртвые богини.

Жестокий ветер. Ливень. Наворот.
Вокруг на целый мир – ни человека.
Я не решусь – назад идти, вперёд,
правее или, может быть, левее.

Жестокий ветер. Улица. Июнь.
Все запахи густы и ядовиты.
Колокола то плачут, то поют.
Сквозь шторы ливня ничего не видно.

*

Вот я и вырос.
Стал большим.
Семейные и взрослые заботы.
Я грею вас
теплом своей души
и защищаю вас своей любовью.

Как счастлив я
мне не пересказать.
Быть может,
зависть чёрная – за дверью.
Молчу и отвожу глаза.
Напрасный страх.
Кто этому поверит?

У вас есть я.
Вас двое. Я один.
За вас я отвечаю перед Богом.
И слов не надо
в вымыслы рядить,
произносить их
слишком долго.

Гроза всю ночь.
Разлука на дворе.
И всё-таки
я неотлучно с вами.
Чуть впереди,
как ветер,
 замерев,
вас
 верой и надеждой
 прикрываю.

ЯМБ

СКВОЗЬ ВРЕМЯ

*

Листья падают, словно звёзды,
проблестав и пропав во мгле,
поздним вечером, ночью поздней,
оставляя в памяти след.

Под дождём в середине лета
листья падают с тёмных веток,
с высоты тополей и лип
на холодном краю земли.

*

Непогодится. Хмурь и пасмурь.
В серых тучах голодный взгляд,
словно в зыбком болоте вязнет
и не ищет пути назад.

Реют яблони мёртвые ветки,
дистрофична их нагота.
Дождь идёт, холодный и едкий,
и проваливается никуда.

*

Хочу тебя, но нет тебя со мной.
Ты вынуждена быть совсем не рядом.
Здесь – холод, дождь, а там – жара и зной, –
за реками и за горами.

Туда не добежать, не долететь
сквозь дождевую вьюжную метель,
но слышу голос твой издалека
и понимаю, как ты мне близка!

*

Бесцветна зелень. Петли водяные
на спицах вяжут тёмные дожди.
Луч солнца протянулся красной нитью
и ветер, словно лес, непроходим.

*

Пышнозелёные кусты
и густолистые деревья;
а ветер дует и свистит
у самых окон и за дверью.

Клубами дыма облака
ползут на небе тускло-сером.
Не видно солнца, и глуха
темнеющая зелень сквера.

А ветер дует, и свистит,
и ветви мощные качает;
и, словно крылья странных птиц,
они колышутся печально.

*

При свете легче пережить
ночные страхи и тревоги.
У неба множество морщин
и взгляд внимательный и строгий.

И солнце смотрит на меня
с сочувствием и пониманьем,
и, осторожно наклонясь,
меня к себе приподнимает.

*

А вот и солнце. Свет его
сквозь облачко – мохнат и нежен.
Сквозь ворох листьев кучевой
он чуть колышется и брезжит –

на тонком чистом ветерке,
трепещущем и шелестящем...
Ещё немного потерпеть
и можно отправляться дальше.

*

Белым-бело на небесах,
и солнца млечное сиянье
на перистые паруса
пушистый свет распространяет.

Порывист лёгкий ветерок:
ласкает листья мимолетно
и гонит облака вперёд,
как будто парусные лодки.

*

Стоит туман. Кузнечик свиристит.
Уходят в даль гружёные составы.
Приходит вечер. Хочется грустить.
Заходит солнце медленно, устало.

Прошли грибные мягкие дожди,
побрызгали на маленькую землю.
Вчера прошло, а завтра – впереди;
и я – один, и вся природа дремлет.

*

Безветрие. Сплошная тишина.
В стекло негромко поезд постучался.
Проходит мимо. Даль освещена
закатным солнцем розовым и красным.

*

А жизнь чиста, как слёзы на глазах.
Ночное небо пашут самолеты.
Одна, другая, третья борозда,
и зёрна звёзд мерцающих и лёгких.

*

Идут часы, идут года,
недели, месяцы, эпохи.
Стоит полярная звезда,
стоит над полюсом и полем.

Стоит всю ночь над потолком,
стоит над пылью и пылью,
над синевой облаков,
переливающихся, длинных.

Стоит над палками плетня,
над плитами у переезда,
над платьем, спящим у окна,
стоит над плёсом, перелеском.

Стоит над плоскостью земной,
над полустанками сияет.
Одна. Одна. Вокруг – темно.
Ни времени! Ни расстоянья!

*

Плакать охота. Плывут облака.
Где будет наше свиданье?
Там, где сливается с небом река,
вода в которой – святая?

Или у озера, в том лесу,
где сосны с крестами веток,
где утром рябины макают в росу
кисти красного цвета?

А может быть, в парке, в полях его,
под звон берёзовых листьев?
Я жду тебя, милая. Я живой!
Ты должна вернуться!

*

Стою на самом рубеже,
на самой кромке, на границе.
Словно оторванная жесь,
кольшется на небе птица.

Я пью, как молоко, туман.
Укусы обнажают вены.
И даль небесная нема,
и поле обступают тени.

*

Трещит кузнечик в тишине
серебряной своей трещоткой;
и в полуяви, в полусне
я вслушиваюсь в звонкий шёпот.

И ни вагонные толчки,
ни мотоцикла дальний рокот
не заглушают зов мечты,
таинственный и одинокий.

*

Под окнами светит и светит фонарь.
И ветер под вечер утих.
И звёзды сияют, и блещет луна,
и спят, свернувшись, цветы.

Густою прохладой полно до краёв
раскрытое настезь окно.
И больно сжимается сердце моё,
упав в бездонную ночь.

*

Два дерева хотят друг к другу...

Марина Цветаева

Ночных стихов таинственная вязь.
Рябь древних рун на сморщенной бумаге.
Заря на бледном небе занялась,
и солнце пахнет клевером и маком.

В слезах росы – и яблонька, и клён.
Через дорогу смотрят друг на друга.
День встречи их неведомо далёк,
они одни не спят во всей округе.

*

Тревожусь за тебя опять,
как в первые три дня разлуки.
Рассудку нечего сказать,
дрожат от напряженья руки.

На них мозолям нет числа,
и ран на них не сосчитаешь.
А сердце – птица без крыла,
всё прыгает и не взлетает.

*

Я – звонкий колокольчик. Ты – ромашка.
Мы всюду – вместе, в каждом уголке.
Трепещет моя синяя рубашка
при каждом лёгком шёпоте-звонке.

А ты в футболке белой, в желтой юбке,
со мною обнимаешься, смеяшь.
Ты – вот она. Ты вовсе не на юге.
И дочка – здесь. Вся дружная семья!

Девчушка наша – наша незабудка
то убежит от нас, то прибежит.
Как хорошо мне с вами и уютно,
и я не знаю, как я раньше жил...

*

Ты – утреннее солнце в тишине...
Ты входишь неожиданно и нежно,
полупрозрачным платьем прошумев,
в лицо повеяв ласковым и свежим.

Ложисься рядом, прямо на постель,
сияя тонким телом загорелым,
кустом густых волос прошелестев
по наволочке искристой и белой.

Я обнимаю крепко, словно сон,
сжимаю и тепло, и осторожно;
глаза целую, губы, всё лицо
в солёных серебрящихся дорожках.

Ты – утреннее солнце. Ты – рассвет.
Сквозишь, летишь, сияешь надо мною.
Всё явственнее вижу, всё ясней
лицо твоё, прекрасное, родное...

*

С сердца счищается кожа сна.
Сердце моё – апельсин.
Кровью сочится, и кровь красна,
И ждать больше нету сил.

Между пятью и шестью утра
Простыня от крови мокра.
Тревожный, мучительный, пьяный страх –
под тонкой веткой ребра.

За руки твои с ручейками вен,
за огненность карих глаз –
я готов умереть взамен,
вместо мамы твоей сейчас!

Только бы встретить тебя, обнять,
только бы побыть с тобой.
Ночи седеет густая прядь,
платок на ней голубой.

Я шёпотом звонким кричу, зову!
Больно мне. Отзовись.
Бумажного дыма цветы плывут,
и пепла падает кисть.

Что вечером будет, и сколько ждать?!
Прошла сотня тысяч лет!
Не отпущу тебя никуда
на небе и на земле!

*

Все вокруг уголки,
все уютные норы земли,
все лазейки, все щели,
все хаты, которые с краю,
я отдам, не подумав,
за туч дождевых корабли,
за безжалостный ветер,
за пламя в котором сгораю.

Все спокойные клетки,
все омуты с тихой водой,
с комфортабельной крепостью,
самой надёжной и прочной,
я отдам, не жалея,
за счастье быть рядом с тобой,
за тяжёлые дни,
за бессонные ночи.

*

Мойка, покраска, бессонная ночь.
Завтра – тяжёлый день.
Маринька, Маринька, как мне помочь?!
Ты – там.
Я – здесь.

Всё-таки,
всё-таки
я – с тобой.

Приблизил лицо к глазам.
Всё твое горе и вся твоя боль
в сердце моём сквозят.

Стирка, уборка, бессонная ночь.
Вёдра кофейных гуц.
Ноги, как рельсы, глаза, как дождь.
Руки мои, как плющ.

Я обнимаю тебя плющом
хилых, ослабших рук,
целую нежно ещё... ещё,
и размыкаю круг.

*

Пора, пора, пора – к тебе,
от этих слёз, от этих бед.

Пора.
Дорога впереди
звездой освещена.
Ты только верь.
Ты только жди.
Ведь ты – моя жена.

Я – знаешь, как тебя люблю?!
И знаешь, как я ждал?!
Я звонкий шёпот твой ловлю,
как музыку дождя.

И если я не помогу,
и если не спасу,
и на руках тебя
сюда,
 домой, не принесу,

тогда и я не буду жить,
и жизнь мне не нужна.
Дорога у моей души
звездой освещена.

*

Наверно, в поезде усну,
а может быть, и нет.
Глазами провожу луну,
чья чаша всех полней.

А чаша у меня полна!
Ах, как полна она!
Почти, как ты, почти, как ты,
почти, как ты, луна.

На помощь многие придут,
не буду я один.
Они все – тут.
Они все – тут.
Я буду там, где – ты.

И дай мне Бог, и дай мне Бог,
спасти, спасти тебя.
Ты – ангел мой, хранитель мой,
а твой хранитель – я.

*

Ночь протянулась надо мной,
как бесконечная дорога.
По небу кости домино
рассыпаны, пивные пробки...

В стакане – кисловатый чай
с одной воздушной сахаринкой.
Скрипят колёса и стучат:
Маришка, Маринька, Маринка!

Всё в мире переплетено
отныне до царя Гороха.
Ночь протянулась надо мной,
как бесконечная дорога.

Поблёскивают фонари
на рельсах и железных крышах.
В тревоге сердце повторит:
Маринка, Маринька, Маришка!

*

Всего лишь сон.
А что могло бы быть?
Игрушечное счастье заводное?
Фантом из марракотовых глубин?
Мираж в Сахаре, занесённый зноем?
Процеженный сквозь призму белый свет,
проявленный при свете красном –
создание реактивов и кювет –
отображение реализма в сказке?
Regretuum mobile надежды и любви?
Terra Incognita воспоминаний,
где к неземному счастью привели
героев положительных скитанья?
Бред воспалённый? Дерзкая мечта?
Сомнительный покой? Речь утешенья? –
Всё, что угодно, всё – не сосчитать...
Но был лишь сон, иначе – наважденье.

*

Тревожно. Не могу уснуть.
Считаю дни и не сбиваюсь.
Склони лицо ко мне на грудь,
усталая, полуживая.

Ты стала тонкой, как тростник,
и ветер мнёт тебя, сгибает.
К губам солёным прикоснись
своими нежными губами.

Дай руку мне, прижмись к плечу.
Предел положен всякой боли.
Ты чувствуешь, что я шепчу
из этой дали и юдоли?

Я ощущаю шёлк волос
щекой в болезненном румянце.
А ты прозрачна, словно воск,
и разучилась целоваться.

*

Обратный путь. Обратный путь.
Мы – вместе. Мы – одни.
Ты спишь, и ясный Млечный Путь
зажёт нам все огни.

И у тебя, и у меня
счастливые глаза.
Стучат колёса, и звенят
ночные голоса.

Твой звонкий шёпот в тишине:
«Любимый мой, прости».
И мой ответ, и мой ответ:
«Прости меня и ты».

*

Дождь прозрачен. Кисейная осень.
Хрупких листьев калейдоскоп.
Скоро кончится – *високосный*,
и на смену придёт *простой*.

С *новым* годом!
Взлетит ракета.
Хлопнет.
Веер огней взметнёт.
Зимний, нежный пушистый ветер.
В звонких рюмках шипит вино.

С *новым* годом!
Сейчас сентябрь.
Скоро. Скоро. Недолго ждать.
Все болезни и беды в *старом* –
пусть останутся навсегда.

*

Ранней осенью светит солнце.
Небо чистое без морщинок.
Машет куст лениво и сонно
под окном хвостом петушиным.

Шум моторов и запах листьев.
Голубого инея жемчуг.
Тают нити в траве волнистой,
и приходит тепло под вечер.

*

Несладкий кофе. Сладкая тоска.
Заботы мира сделались всеобщими.
Добавь немного сахара в стакан,
не бойся, от него не будет тошно.

Как слоники из глины, облака
на плоской крыше выстроились чинно.
Добавь немного сахара в стакан,
чуть-чуть, хотя бы несколько песчинок.

*

Деревья в вечности стоят –
герои древние Эллады.
Как покоробились в боях,
замшели, почернели латы!

Ячейки сыплются с кольчуг,
позвякивая тусклой бронзой.
Вороны от плеча к плечу
летают и свивают гнёзда.

Но от земли не оторвать
кряжистых тел бойцам могучим.
Вросли по пояс, и трава
опутала стальной колочкой.

Антеи древние стоят.
Величественны великаны.
Прикованы навек. А я
гнёт рока преодолеваю.

*

Зима и ночь. Плавучие огни.
Ступени окон. Лестницы деревьев,
верёвочные, в иглах шерстяных,
в пеньковых растопырившихся перьях.

Зима и ночь. Нетвёрдая земля.
Белёсый студень вспененного снега.
Стена квартиры – корпус корабля.
Любимая, прижмись ко мне теснее.

Зима и ночь. Идут, идут года.
Бегут, как волны в бурю, в непогоду.
Морская даль. Другие города,
и тихий гул большого парохода...

*

Станем вдруг невесомы, как дети;
унесёт нас серебряный ветер
на своем ковре-самолете
из прозрачной сухой соломы.

Полетим над тремя мостами –
выше нас только птичьи стаи!
Полетим над болотом, лесом –
ниже нас только грунт и рельсы!

И опустимся возле дома
ночью белой, нежной и томной.
Станем вдруг легки на помине,
наши беды-несчастья минут.

Будем жить-поживать, стараться.
В доме будут покой и радость.

*

Я забуду... Напомни, скажи:
«Дождь сирени... Луны зазеркалье...»
Начинается новая жизнь,
В звонких стёклах, как в лужах сверкает.

«Фонари?.. Нет, не помню...» – «Они
так лучились, – бенгальские свечи».
«Ну, а мы?» – «Мы остались одни,
чтобы утром закончился вечер».

В полутьму ты одета была,
и казалась мне тонкою вербой,
и густая волос смола
на плечах шевелилась от ветра.

И глаза твои были ясней
звёзд высоких и радостных слёз!
Ты без слова шагнула ко мне,
и чуть сердце не взорвалось!

*

Всё. Пора выходить из леса.
Вот – последняя передышка.
Посидим на бревне все вместе,
мы дорогою шли не ближней.

Посидим на бревне, покурим.
Шум листвы послушаем сонный.
Я люблю тишину такую,
с мягким полусосненным солнцем.

Боровые лежат в корзинках –
на подбор крепыши крутые.
Все домашние рты разинут.
Скажут: «Ух-ты! Как на картинке!»

Ну, пошли. Нам пора. Дорога
будет всё тяжелей казаться.
Но меня уже у порога
с нетерпением ждёт хозяйка.

*

Я целую тебя, чтоб скорее уснуть.
Утром мы, как обычно, приснимся друг другу.
А пока положи, как птенца, мне на грудь
свою лёгкую, лёгкую нежную руку.

У тебя в волосах, в вересковой хвое
столько искорок сладких и тёплых пылинок!
Как приятно вдыхать аромат курабье,
шоколада с орехами, мака и тмина.

Твой птенец задремал у меня на груди,
перестал и царапаться, и копошиться...
Золотых фонарей расцветают сады
и неслышно колышется воздух пушистый.

*

Деревья стряхивают ветер
с сухим шуршаньем мнущегося сена,
словно просеивая зёрна
или страницы книг листая.

Осыпается невидимый ветер,
опадает под ноги прохожих,
роняя жёлтые прядки волос,
выпадающих рано.

На ощупь, вскользь шарит по земле,
будто что-то ищет
и вновь поднимается вверх,
обнимая деревья,
ветер...

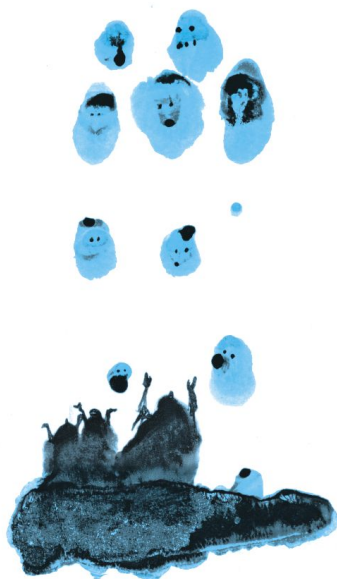
*

Туман – надышанным стеклом,
туман – шершавым льдом
лежит над самую землёй,
над самую водой.

Мне кажется на нём следы
твои или мои видны
на расстоянье от земли
и от воды.

И солнца покрасневший лист,
слетевший с высоты,
пылает на краю земли,
на берегу воды...

КАСАНИЯ МИРАМ ИНЫМ

СКВОЗЬ ВРЕМЯ

*

Я стою на зелёной траве,
и на чёрной земле,
и на синей воде,
и на белом снегу.

Я стою на зелёном снегу,
и на чёрной траве,
и на белой воде,
и на синей земле.

Я – пришелец, чужак.
я – небесный огонь.
Пусть никто мне не верит,
но прожил я тысячу лет.

Я стою на оранжевом льду,
и на рыжих цветах,
и на красной коре,
и на жёлтом песке.

Я смотрю на тебя,
и на платье в цвету,
и на ветер в руках,
и на губы твои и глаза.

*

На руках моих небо,
как полная чаша.
Своя ноша не тянет,
легки на подъём облака.
Сердце бьётся в груди,
словно солнечный зайчик горящий –
на осеннем листе,
подрумянившем ярко бока.
На плечах моих ветер –
рыбацкой промозглою курткой,
в дождевой чешуе
и в сетях сыромятной травы.
Я стою на земле
в час, когда начинается утро,
красной глины заката
с ладоней своих не отмыв.
Научусь и летать,
если плавать сумел научиться.
Научусь и молчать,
если будет легко говорить.
Под ногами моими –
тяжёлые палые листья,
словно горы монет...
Не данайцев ли это дары?

*

И шёл Господь по пажитям земным,
и ехал в поездах и электричках.
Всё было незнакомым и иным,
чужим каким-то было, непривычным.

Он втискивался в блещущий трамвай,
в метро спускался лестницей ползущей.
От грохота кружилась голова
и было всюду холодно и душно.

Смотрел Господь в газетные листы,
глазам не веря, рта не закрывая,
всё сокрушался бедный и грустил,
и тосковал Он, сопереживая.

Входил в квартиры, в избы, во дворы,
и руки пачкал дёгтем и навозом;
стирал носки, супы себе варил,
и мыл полы с улыбкою серьёзной.

Жил вместе с нами, кис в очередях,
мок под дождями, пил по закоулкам;
в подвал спускался, лазал на чердак,
в лесу с корзинкой полной аукал.

И шёл Господь по снегу, по траве,
по грязи топал, чапал по болоту;
и полюбил безумный этот свет,
и этот мир из крови и из плоти...

*

В невыносимой глубине,
над влажной синью небосвода
звезда в берёзовой слоне
мерцает бронзовой совою.

Щекотно. Пёрышко дрожит.
У луж тяжёлых вздулись вены.
Захватывает дух.

Вся жизнь
проносится легко, как ветер.

*

Нет ни одного слова
среди океана звёзд.
Нет ни одного слова,
из которого вырос мир.

Нет ни одного слова,
но те, кто знает его,
кто слышит его, как сердце –
не могут его забыть.

*

Земная быль и боль земная.
Небес разбитое окно.
Зазор всё тоньше между нами.
Вот-вот увидишь бездны дно.
Дорога: пыль и горький ветер,
сухая тина облаков.
Хоть на два шага выйди встретить,
осталось так недалеко.

*

Обожжённое солнцем лицо
я обмою в твоих глазах.
Огромный красный корабль –
в тёмной воде ночной.

Сухую пеньку волос
будут руки твои ласкать.
И огни воспалённых глаз
успокоит твой поцелуй.

*

Это дом моих рук,
это глаз моих – дом и жильё;
словно снег, золотой
и серебряный, словно светило.
Есть один только ключ
и одна только дверь у неё.
И не впустит она
ни постыдных в себя,
ни постылых.

*

Такой недолгий длинный день,
каким совсем и не казался,
так незаметно пролетел
и так окончился внезапно.

Дождь засвистел по всей земле
в свои серебряные флейты...
И лишь опавших листьев след
ведёт за уходящим летом.

*

Повеет осенью, хоть плачь.
Прощальная улыбка лета.
Под вечер, возвращаясь с дач,
в столицы тянется планета.

Как листья – шлейфом, поезда
бегут, подрагивая тряско,
как ветром вздутая вода
под разлохмаченную ряской.

Всё стало легким на подъём,
сухим, трухлявым, запылённым.
Уныло ветерок поёт
в кудрявой балалайке клёна.

Платформы, насыпи, столбы
осенней наготы стыдятся.
Мы – птицы, пленники судьбы.
Две родины у нас, два счастья.

*

Когда нас спросят – кто мы таковы?
Когда нас спросят, призовут к ответу,
ещё недужных, слабых и живых,
ещё привыкших к солнечному свету,

ещё к теплу приученных, к еде,
к заветным ласкам в час обетованный...
Что мы ответим? Сколько добрых дел
мы насчитаем, если не обманем?

*

Нам всё страшнее и страшнее,
и на плечах – всё больше лет.
Как тяжкое ярмо, на шее –
кольцо планет.

Тоска старухой сладострастной
нас обнимает по утрам,
косится солнце оком красным
на наш нерукотворный срам.

*

Хрустальный свет сияет в высоте
сквозь туч густых раздавшиеся ветви,
ни птице до него не долететь,
ни ветру, ни космической ракете.

Хрустальный свет над миром, надо мной –
непостижимый, странный, нестерпимый.
И, словно в приоткрытое окно,
душа невольно заглянуть стремится.

*

Мы заблудились в бездне времен...

Николай Гумилёв

Запах времени. Цвет тишины.
Вкус молчания. Холод покоя.
Свет печальный, как лютня звенит...
И ещё... Не пойму – что такое...

Вдалеке и как будто вблизи.
То вдруг явственно, то отдалённо.
Чувство тонкое в небе сквозит
обгоняющим звук самолётом.

Нить пространства – суровая нить.
Пахнет дратвой, сапожною кожей.
И невидимо, словно магнит,
чувство тонкое душу тревожит.

*

Стрекозы-звёзды реют в темноте.
Ночные тени жмутся к тротуарам.
Огней осенних жёлтая метель
клубится над проспектом и сверкает.

Всплывают золотые пузырьки.
Их гонит ветер длинной вереницей.
И взблёскивают листьев козырьки
над ветками, клонящимися низко.

*

Осень, осень – сырая ветка
с прелым запахом кисловатым,
в листьях ярких и разноцветных,
наклонилась над островами;

заблестела и задрожала,
замаячила над Невою,
над пропитанною дождями,
беспокойной землёй живою;

мягким облаком закачалась,
заплескалась платком на шее,
наполняя сердца печалью
о несбыточном и ушедшем;

и был ветер, и было солнце,
холодок серебристо-лёгкий;
та, с которой не расстанься,
осторожно взялась за локоть...

*

Всей кожей ощущаю краткость жизни.
Земные сны так быстры и грустны.
Труб рукава в манжетах дыма сизых,
на крыше мира ржавчина блестит.

Душа без тела сразу овдовеет,
пойдет по миру – милости просить,
как слово – то, что брошено на ветер,
всей тяжестью наляжет на весы.

В другом окне, в другое время жизни
увидим то, чего на свете нет.
В ручье небесном – золотые брызги
и свёрнутый в спираль вселенский свет.

*

Зайдём в кафе, там тёплый лимонад,
осенним ветром тянет из-под двери.
Займём уютный столик у окна,
в котором стёкла запотели.

Закажем что-нибудь, нам всё равно,
лишь бы вернуться в прошлое, обратно.
От света длинной лампочки дневной
в глазах всплывут сиреневые пятна.

Поговорим спокойно, посидим.
Забудем всё на этой передышке.
И незаметно стану я седым,
а ты – сухой и маленькой худышкой.

Столетний дождь когда-нибудь пройдёт,
как начинался, так и прекратится,
над самым неземным из городов,
сошедшим с облаков Иерусалимом.

Мы выйдем в золотую тишину,
не удивляясь пестроте прозрачной,
от солнца лиц не отвернув
и рук соединившихся не пряча...

*

Если в мире дорога одна,
снег – повсюду, листва облетает;
если сонную дурь не согнать
и билет не купить до Китая;

если ворох бумаг – на столе,
вместе с книгами – в стружках закладок;
нет минутки – сходить в туалет;
не найти завалищего клада;

если тикают бурно часы
и разносится дым сквозняками;
если солнце и ясная синь
лишь на миг в облаках возникают;

если холоден чай проливной,
в животе тяжело от крахмала;
и летят, и летят день за днём,
и уже пролетело немало...

*

Я – последний землянин,
обычный, простой человек.
Человечества нет –
это скорбная горькая правда.
Я с последней землянкой
иду по осенней траве,
наступая на шпалы гнилые
и колотый гравий.

По ржавеющим рельсам
сто лет не идут поезда.
Страшен мёртвый покой
почерневших останков вокзала.
И на бледный перрон
от мороза, жары и дождя
сеть глубоких морщин,
словно тень, на лицо набежала.

Чистота. Чистота.
Мир избавлен от скверны земной.
Бог живых, а не мёртвых,
услышит нас в этой пустыне.
Мы – безумные дети.
Пусть ветер трубит за спиной.
Дом, оставленный всеми,
одни только мы не покинем.

У неё в волосах –
запах дыма и блики огня,
тает снег на щеках
и трепещут листочками веки.
Улыбается кротко
и смотрит лукаво, дразня.
Будем вместе опять
вопреки всем запретам на свете!

*

Эта улица, переулок –
закоулок в иных мирах.
Заблудились мы. Сводит скулы
высоты первобытный страх.

Ослепительно ясный воздух
слишком больно вдыхать живым.
С беззащитностью нашей плотской
не на месте мы здесь, увы.

Нет конца этажам под нами,
беспредельна над нами высь –
не охватит её шальная,
сумасшедшая даже, мысль.

Повороты и эстакады,
башни, лестницы и мосты.
Нестерпимый звон не стихает
и не пахнут в садах цветы.

Лишь пронзительно вьются вихри,
Словно пламя касанья их.
Должен быть хоть какой-то выход!..
Как огромны глаза твои!..

*

Зимний вечер. Капель за окном.
Город наш задыхается дымом.
То, чего нам познать не дано
всё зовёт и зовёт нестерпимо.

То пройдёт, то нахлынет опять
беспокойная нервная жажда
всё увидеть, услышать, узнать
и понять, и понять хоть однажды.

*

Звёздный ветер огни фонарей
разбросал, словно искры костра;
и шипят, на снегу отсырев,
не сгорая, они до утра.

*

От выходных всегда чего-то ждёшь.
А будут: рынок, стирка и уборка.
Мешают выходить: то снег, то дождь,
то дочке много задано уроков.

Не строим планов и не ждём звонков,
вполглаза смотрим – что там
по программе,
под вечер выпьем, чешем языком
на кухне, продуваемой ветрами.

Так год проходит, так проходит век.
И в этом есть прекрасное, ей-богу.
Не надо ни Центавров и ни Вег,
ни Орионов и ни Козерогов.

*

Густая-прегустая синева.
Ночное небо цвета баклажана.
Под ним в автомобилях и санях
неторопливо люди проезжают.

Забыт сейчас предшествующий миг,
а будущий – не может быть известен.
И в снег упавший света тёплый блик
протаивает множество отверстий.

Тенями перевязанный пакет
бесформенного серого сугроба
словно висит у тополя в руке
и валится, сминаясь и коробясь.

И где-то там любимая моя
идёт по лужам вспененным и льдистым,
и ели кистепёрые стоят
в горящих тускло бусах золотистых.

*

Хотелось бы. Да, вот не знаю, как.
С еловой лапы падают иголки.
И снега первосортная мука
карниз запорошила втихомолку.
Всё – без толку. Нет проку в тишине.
Покоя нет ни в разуме, ни в сердце.
Большое небо может прояснеть,
а потолок останется ли серым?

*

Моя душа утрачивает связь
с предметами обыденного мира.
Она, снежинкой лёгкой обратясь,
на ветке примостилась смиренно.
Сквозь поры облаков пролился свет
и ветер подхватил её бесстыжий,
и вихрем закружил, и бросил в снег,
и след простыл, и где её отыщешь...

*

В бутафорские домики **сно...**
вселили трансформенных **ку...**
Коллектив неплохой в **основно...**
многоликий и с ними не **ску...**

Чаешь встретиться каждое **ут...**
Роли путают только, **игра...**
Я и сам, не смотря на свой **у...**
мало что в этом смог **разобра...**

Тюнер или будильник **пищи...**
Так и есть сны: прервались **внезап...**
Ноги сами несут. Мой **режи...**
Мне минуту оставил на **завт...**

*

В каком-то беспокойном полусне,
в каком-то торопливом отрешенье
ещё б одну минутку провисеть
на грани этой яви сумасшедшей.

И знаешь о заботах без звонка,
и помнишь, что **уже** необходимо,
и чувствуешь – пора... но всё – никак,
«не хочется», «не в силах», «не будите».

«Само собой», «когда-то», «как-нибудь»...
И «надо» превратится в «хорошо бы»,
ну а потом – в «не важно» и «забудь»
и даже – «знаешь, а пошло всё в ...»

Ещё б одну минутку отдохнуть...
И веришь, что размаешься внезапно...
Так и живём, и тащимся по дну
своей вселенной в радужное завтра...

*

...прервали разговор, порвали нить,
отметку стёрли, вырвали страницу...
и силишься момент восстановить,
ту точку, где пришлось остановиться.

Всё ищешь хоть подсказку, хоть намёк,
хотя бы отдалённую зацепку...
Ключ сломан, и защёлкнулся замок,
а клад в шкатулке кажется бесценным.

Ещё чуть-чуть. Вот-вот. Вот где-то здесь...
И чувствуешь, что рядом, но напрасно
и тщетно – след растаял на воде
бесповоротно паспорт потерялся.

И понимаешь – надо начинать,
нет – продолжать, и всё равно, откуда.
От печки, хоть, чтоб время не терять...
И, зная это, ожидаешь чуда.

*

Проходит эпоха.
Приходит – другая.
И новое манит,
и прошлого жаль.
И что-то в их смене
так странно пугает.
И больше, чем радость,
на сердце – печаль.

Когда-то и нам
предстоит задержаться
со сломанным стулом
и старым столом,
со списанной техникой,
рухлядью ржавой
пойти в переплавку,
на свалку и в лом.

Останемся в прошлом,
среди вырезок ветхих,
среди старых привычек,
ненужных вещей,
в «спецхране» утерянных
древних секретов,
в таком,
от которого нету ключей...

*

Нет! Прошлое не умирает!
И будущее зреет в нас!
А похороны и парады –
лишь мелодраматичный фарс,
дань моде, зрелищное шоу...
В «последний праздник»,
в «первый шаг»
неистойей и учащенной
вибрирует в груди душа.

Чувствительность щекочет нервы –
и трепет обостряет жизнь.
На провода и на премьеры
мы, как безумные, спешим.
Но всё, что нам не удастся
узнать, изведать и понять,
бесспорно наверстаем после –
в спокойных смежных временах.

*

Всё возвратится на круги своя!
Прах станет прахом. Бог вернётся в Бога.
Всё встанет на места, а как же я?!
Я – человек, и не один, нас много.
Куда приткнуться нам в иных мирах?
Где бросят наши вечные останки?
И чем прикроют душ телесный срам:
Их некрасивость, грех и старость?..

*

Мы на этой земле зеркальной,
словно в заводи – звёзды, листья,
тихо кружимся и сверкаем
днём и ночью, сверху и снизу.

А над нами стоят деревья,
в небесах высоких теряясь.
Мнится нам, что мы не стареем
и мечтается нам о рае.

И, когда проплывают рыбы
мимо нас с равнодушным взором,
мы ломаем тела в изгибах
отражений в воде озёрной.

Не страшны ни ночные птицы,
ни прожорливый зверь косматый;
из лица воды не напиться
и луча не схватить зубами.

А под нами ползут улитки,
пахнет тиной вокруг и слизью.
Коротаем свой век недлинный,
называемый нами жизнью.

*

Это – город-мечта, город-марево,
город-туман,
то ли царская блажь,
то ли дар благодати небесной.
Чудом света он был
и заморских гостей принимал,
был тюрьмою народов
и проклятым местом.

Это – город-герой,
ставший городом пыльных дорог,
непутёвой провинцией
нового плоского мира;
весь в трущобах дворцов,
в небоскрёбах бездонных дворов,
в заскорузлых гранитах
на жиже болотного жира.

И магический холод,
и мощи увядших могил
ждут последнего часа,
последнего преображенья,
погружения в толщу, в пласты,
в прародительский ил,
в золотое беспамятство
духов блаженных.

И синюшная цвель
покорёженных бронзовых лат
пахнет тиной сырою,
сырьём первобытного моря.

И консервные банки трамваев
со звоном летят
мимо сказочных свалок
и славных помоек.

Горький ветер, томление плоти
и старая боль.
Нам не страшно, не страшно,
не страшно, не страшно, не страшно...
Это – дыма горящих лесов
ядовитая соль,
это – белая ночь
и дождя непролазная чаща...

*

Холодно. Листья свернулась.
Обмякла трава.
Бороды туч развеваются
вслед за ветрами.
Странно – мы всё ещё живы!
Тебя целовать
хочется,
тёплые слёзы со щёк не стирая.

Птицы пищат,
словно капли живые дождя;
важно шумят
на широком проспекте машины.
Нет. Мы не смертны.
Не хватятся нас, не найдя
в небе двух звёздочек –
двух серебристых песчинок.

*

И ни встреча, и ни прощание,
Ни свиданье минут на пять...
И летит мимо нас, пошатываясь,
Грохоча, дребезжа, сопя,
Золотая лента неровная –
Электричка или перрон?
На платформе стоим сиротами,
Или сели не в тот вагон?
И качает нас, и подбрасывает
Из прошедшего – в новый день.
Что сказать – “До свиданья”,
“Здравствуйте”?
И круги, круги... на воде,
Словно кольца дерева-времени,
Истончаются с каждым днём...
А мы только-только поверили,
Что на твёрдой земле живём.

*

Я – никто, невидимка,
один из таких же, как я.
Нас немало здесь бродит
по вымершим понтам Эллады.
Нам под каменным небом
Хватает еды и жилья.
Есть и жёны у нас,
Все того же незримого склада.
Я иду никуда,
и сжимает тисками толпа.
– Никого! Никого! Продвигайтесь,
там – место пустое.
Все билеты просрочив
и все остановки проспав,
в городском автотранспорте
еду, невидимый, стоя.
Бремя оного мира и времени,
как ни кричи –
будут только вертеть головой
и смотреть отстранённо,
и акрополей бедных
сырые, как лёд, кирпичи
будут сыпаться вечно
под ноги гранёным колоннам.
На мостах, виадуках,
у цирков и вечных огней,
как слепые,
идут, и идут, и идут невидимки.
И невзрачные листья летят,
словно высохший снег,
подаваясь шуршащей волной
под напором ботинка.
Это ветер. Лишь ветер один
незаметно свистит.
Это некто стряхнул
пыль и пепел седой сигареты.
Обними меня, милая,
эхом взошедшей звезды;
что мы видим друг друга –
в том нет никакого секрета.

*

Я буду дуть на белый синий снег,
смотреть в окно на чёрный
серый город,
пить крепкий чай и лёгкое вино
в пропорциях неведомого мира;
входить в себя и строить из себя,
не повторяться, но не притворяться,
читать в газете, словно по губам,
обыкновенным и прекрасным.
Не фонари, а капельки фольги,
не тополя, а тени на поляне...
Не до..., не го...,
не ни... меня, не ги...
не гибель ждёт, дорога не петляет.
Я буду дуть, обжёгшись на воде,
на ломкий лёд, на хрупкий
жёсткий иней,
смотреть в ок..., но
совсем в другую даль;
и память пить, как горькое лекарство.

*

Всё чаще и чаще... ржавеет замок
и дверь поддаётся с трудом.
Всё реже хозяин приходит домой
в заветный таинственный сад.

Собраться туда нелегко, нелегко.
Подъём так томительно крут,
а в странном саду нет полов, потолков
и грозный, и дикий пейзаж.

Но воздух там весел,
и воздух там чист.
Не воздух – густое вино.
И выдержки вечной и сладко на вкус,
прозрачно, как свет неземной.

Всё дольше и дольше
он ищет свой ключ,
слабеют с годами глаза.
Но дом – это кровь,
хоть века пропадай,
отыщешь дорогу назад.

Возьми в подруги верную жену...

Наталья Гранцева

*Деда памятный самовар –
За хлеб – на металлолом...*

Антонина Ярмолик

Я полечу на тёплую луну.
Там – рай для грешных
в гротах и пещерах!
Возьму с собой упрямую жену
И нашу дочку – юную мегеру.

В садах “Эдема” – грязь и снеготал
и мягких почек вскрывшиеся зёрна!
Сдадим макулатуру, и металл,
и стеклотару...

Это – не позорно.

Хватило б на билеты... И – айда!
По громким лужам, липкому асфальту.
Янтарь и яшма, яспис...

Иордан,
покрытый слоем мускуса и смальты.

Весна грядёт. Грохочет терминал.
А на луне – беззвучно и спокойно.
К ступням босым прилипли семена
смоковниц, мирта и секвойи.

Сонм грешников осанну пропоёт,
и мы войдём под кратерные своды.
Ни вес теперь, ни возраст, ни объём,
не ограничат действия свободы.

Построим в нише дом без потолка.
Застелим небом каменные ложа.
Чтоб будущим детей не развлекать
и не мечтать с надеждами о прошлом.

Пройдёт сто тысяч, тысяч, тысяч, тысяч лет,
а мы – всё те же, с теми же глазами.
Бескрайний и бескровный лунный свет
таким живым и жарким оказался!

*

Мир становится скучен,
как старый облезлый плакат.
Нас ничто не волнует,
мы в окнах не видим дороги.
И бессменные гуру
всё те же надежды сулят.
Отчуждённо мы слушаем
этот бессмысленный рокот.

Разучились молчать,
но всё то, что мы дико орём,
растворяется в хоре толпы
подпевал и придурков.
Наше сердце не трогает
даже разлитая кровь.
Лишь слегка возмущают
собачье дерьмо и окурки.

Нет у нас ничего,
чем гордиться могли бы теперь.
И мечты наши вялы,
как бледная плесень в пещере.
Нам бы только в покое
свой маленький век дотерпеть,
в тишине поболтать
за бутылкой тепло и душевно.

Чтобы слышать друг друга,
как будто одни на земле...
И... ничто не меняется!
Жаль только – мучает совесть.
В этом мире богатых воров
и здоровых калек
даже войны и смуты
проходят безлико и сонно.

*

В небе плещут зарницы. Ночная гроза.
Как болят наши, вроде, бессмертные души.
И в безветренном воздухе тучи скользят
с непредсказанной грацией змеев воздушных.

Мы – под деревом мира. Плоды – фонари
прямо в руки спускаются с ласковым светом.
“Я люблю тебя”, – в тысячный раз повторив,
не смогу разгадать этой тайны заветной.

В небе – сполохи, яркие вспышки, листву
покрывают серебряным тонким налётом,
громыханья негромкий и вкрадчивый звук
в мягком шуме моторов запутался плотно.

Расстоянье и время – пустые слова!
Перетерпим с досадой – пустяк, неудобство:
словно через рубашку в плечо целовать,
или гладить коленку сквозь тёплую простыню.

КАСАНИЯ МИРАМ ИНЫМ

СКВОЗЬ ВРЕМЯ

*

Проникнуть в тайну, угадать,
коснуться запредельных истин...
Возможно...
Но мой скромный дар
непредсказуем и капризен.
Случается само собой,
нечаянно, интуитивно
туда, где обитает Бог,
войти сквозь стену невидимкой...

Увидеть и не умереть?!
Молчанья эхо, тени отблеск...
Всё...
Дальше недоступна область
и нерушим запрет...

*

А мы ждём чуда, ждём и уповаем.
Яви... Открой... Развей... Озолоти...
Выращиваем в сумерках подвалов
садов небесных гордые цветы.
И даждь нам днесь,
и жажду утоли нам,
и плоть укрой,
и раны залечи.
Мы – немощны, глупы,
мы – инвалиды.
Помилуй...
Поспособствуй...
Научи...

На вавилонских башнях нашей боли
мы молимся осмеянным богам
во имя жизни длинной и недолгой,
за грех познания жалованной нам...

СТАНСЫ

Светлеет. Скоро на обед
поджарим старую картошку.
Всё время хочется к тебе:
сегодня, в будущем и в прошлом.

Ты – не моя, а я – не твой.
Зачем же мы нужны друг другу?
Предпочитаю быть с тобой,
взяв для надежности за руку.

Но, как мне кажется, и ты
не слишком рвёшься на свободу.
И нам всё время по пути,
забавы общие, заботы.

Быть может, всё-таки, я – твой,
а ты – моя в какой то мере.
Мне просто хорошо с тобой,
да и тебе – со мной,
уверен.

*

Играем в жизнь и можем проиграть.
Но вот беда – мы выиграть не можем.
Стоит, стоит над городом жара
и пахнет потом выдубленной кожи.

И духота, и ливень в три ручья.
И никого на целом белом свете,
кто нам помог бы заново начать,
на все вопросы правильно ответить.

*

Кто мы? –
Только ли боги
на невинной наивной Земле?
Чем мы созданы – болью, любовью
за каких-нибудь пять тысяч лет?

Для чего существует природа,
населенье живое её?
Мы пока что стоим на пороге
и едва лишь себя сознаём.

Что нас ждёт во вселенских пространствах
и в далёких небесных садах?
Неужели мир может остаться
неизведанным навсегда?!

Сколько новых явлений, событий,
удивительных странных существ,
неужели никто не увидит,
не оставит навечно в душе?!

Для чего они, если исчезнем
из реальности этой навек
из-за глупостей юности дерзкой,
буйства нервов, умов и кровей?!

*

Дай, Господи, прожить и этот день
всё так же мирно, радостно и тихо,
чтобы живой душой не охладеть
к спокойной и бессмысленной рутине:

к земным делам, к заботам дорогим,
одновременно вечным и минутным;
преодолеть усталость помощи
и лени обольстительную смуту.

*

И одуванчики цвели,
и собирался дождь;
с акаций жёлтые шмели
гудели тихо – «до»
окукливания своего
и превращений в...
и ветер нежный и живой
трепал косички ив...

*

В стекле луны стояла ночь,
как белое вино в бокале.
В прохладном воздухе сквозном
подолгу звуки не стихали.

В стекле луны стояла ночь,
стекали капли с тёмных листьев.
Кузнечик чиркал заводной
своей весёлой самопиской.

Гудел далёкий грузовик,
вагоны громыхали гулко,
и дети в поисках любви
аукались по закоулкам.

*

Проснулся.
Слепень застучал
в бездонное окно.
Щека любимой горяча
от страстных снов.

Вступаю на дощатый пол,
прохладный, как вода,
чуть пригибая «гребни волн»,
иду неведомо куда.

УТРО

Утренний кофе горчит сигаретой.
Ты ещё медлишь вставать. В одеяло
сладко закуталась, тихо пригрелась
и на минуточку задремала.

Нет ни окна, ни машин, ни прохожих.
Нас только двое. Сижу, улыбаюсь.
Я разбужу тебя, милая, позже,
нежно к щеке прикоснувшись губами.

ДЕНЬ

Снова в городе – снег и слякоть.
Снова в городе – ночь длинна.
– Как с тобой целоваться сладко!
– Как ты обнял крепко меня!

Вновь над городом – ветер лёгкий,
дождь по улицам пробежал.
– Спрячь под шапку упрямый локон.
– Подожди, я поправлю шарф.

И опять серебрится иней,
и опять прояснилась ширь.
– Молока купи в магазине.
– Ты мне брюки сможешь зашить?

Заскорузлый ледок крошится,
и свернулись листья в клубки.
– Как мне правду писать о жизни?
– Как без слов сказать о любви?

ВЕЧЕР

«Мы с тобой на кухне посидим»,
тут всё есть для нашего сиденья:
горка хлеба, баночка сардин,
суп, картошка. Хватит для съеденья.

Мы откроем пиво и нальём,
запотеют круглые бокалы.
Хорошо на кухне нам вдвоём,
и всего у нас – навалом!

Есть чеснок и перец тоже есть,
губы твои пресными не будут,
как всегда. Вне времени и мест –
мы с тобой. Я вымою посуду.

Фильм посмотрим где-то на краю
города, галактики, вселенной...
А потом... Немного покурю...
Всё – чудесно, всё – обыкновенно!

НОЧЬ

Рябиновые ягодки сосков
целую мягко жаркими губами,
и, словно клён осенний, нагибаюсь,
и щекочу волос своих листвою.

Ладони наши, словно воробьи
шалают друг с другом, весело играют,
укромный уголок найти для прятки
какой-нибудь упрямо норовит.

Срастаемся телами навсегда
и бурной жизни смешиваем соки,
сугроб постели, тёплый и глубокий,
зиме нас победить с тобой не даст.

*

Мама, папа, я – виновен.
Нет прощенья мне.
Тяжелеют токи крови
в пиве и вине.
Не герой и не богач я,
не достиг высот.
Потому глаза и прячу
и теряю сон.
Кто я? Что я?
Лишь мечтатель.
Заяц во хмелю.
Но и жизнь готов отдать я
той, кого люблю.

*

И тоска, и усталость
свелись к пребанальнейшей скуке.
С подоконника падает
сорванный временем лист.
И мне некуда деться,
и некуда выйти из кухни.
И пейзаж на окно навалился,
тяжёл и тенист.
Безработица. Пиво.
Промозглая хмурая осень.
Недоделанных дел
придавила камнями гора.
И вину перед самой любимой
я чувствую остро
и тихонечко плачу –
никчемный и старый дурак...

*

Вину так просто не загладишь,
Она – не выбившийся локон,
не складка на любимом платье, –
она, как лист осенний, ломкий

рассыплется на сто осколков
в руках любви неосторожных,
в сто уголочков, трещин, щёлок
рассеяться дыханьем может...

И не достать её, не вынуть!
И сто заноз, колючек ранят.
Нет, не понять нас вам – невинным.
Как больно сердце замирает!

*

Хочется что-то вспомнить,
вспомнить и улыбнуться.
Сколько во рту оскомин
С запахом горьким, вкусом

Плесени и печали, жутким,
как наваждение.
Кто там?! – Не отвечают.
Боже! О, Боже! Где мы?!

Демоны и гоблины,
Чёрствый, как ветошь, ветер.
Что-то, как локоть, близко.
Но не укусишь это.

*

На год, которого не будет,
последний выйдет календарь,
и усмехнётся лысый будда,
свершенья тайну разгадав.

Сойдёт с орбиты мирозданье
и, закрутившись в чёрный вихрь,
солёной каплею растает
в горнилах мрака мировых.

Но там, на островке Вселенной –
в злом океане пустоты
нераспадаемой, нетленной,
живою каплей станешь ты.

И никаких воспоминаний,
излизан пламенем висок...
Незаменимая, земная,
единственная – в мире сём,

дай руку, выдерни из пекла,
из обольстительного льда,
и вместе мезозойским мелом
напишем новый календарь.

*

Всё проходит, а мы остаёмся.
Только сами не знаем – зачем.
Только наших сердец теплоемкость
согревает нас в безднах ночей.

По пространству летают кометы,
по проспекту гремит «дальнобой».
Никаких сокровенных секретов.
Может... Может быть, это – любовь?

*

Какой-то веет радостной зимой
снежком и солнцем, воздухом и смехом,
и не понять ни сердцем, ни умом –
откуда это будущего эхо?

Осенний прозорливый холодок
до самой селезёнки пронимает.
В листве зелёной, красной, золотой
сквозит луча незримого прямая...

Неуловимо, тонко, высоко
касается беспечным дуновеньем,
И я – наивнейший из чудаков
предчувствию обманчивому верю.

*

Он – Небесный Паломник,
Он – Гость, Он – Проезжий Мудрец.
Нам каком языке эта проповедь,
нам непонятном?!
За Него нас размажут на плахе,
наденут на крест.
Почему же мы слушаем
эти горячие клятвы?!

Отойти бы, укрыться, спастись,
отвести бы беду...
В тень куда-нибудь, в угол,
в подвал, за могучие спины.
Но так хочется плакать,
так болью врачуется дух,
что не сдвинуться с места.
Но гору нам тоже не сдвинуть...

*

Новогодняя ночь
с фонарями цветными на льду.
У наряженных ёлок
распахнуты жаркие шубы.
Эту ночь мы проводим
и в старом и в новом году:
пьём шампанское, пиво, коньяк,
веселимся и шутим.

Позабыв обо всём,
в тёмном городе окна горят.
Несмотря ни на что,
дует ветер и пахнет смолою.
Запускаем ракеты
в великий простор января
и великий декабрь
остаётся у нас за спиною.

Поздравляем, целуем...
Какая прекрасная жизнь!
Будет утро уже
в новом-новом невиданном мире.
Свет из окон, как снег,
над просторным проспектом кружит.
Но спокойно, тепло и уютно
в отдельной квартире.

*

Пусть сквозь стены и стёкла
скрежещет крещенский мороз
и песком на зубах,
и железом по глотке лужёной,
но, вставая с постели
горячей,
от пота сырой,
я целую любимую
в сонную, тёплую щёку.

РЕМИНИСЦЕНЦИЯ

Нашлись искомые слова.
Ползёт фасоль по занавеске.
Букет гвоздик почти завял.
Потёрся лак на стульях венских.

Повсюду рядом смерть и жизнь,
цветение и увяданье.
Каракули и чертежи –
чего мы только не видали?!

Кофейной банки смятый бок –
на неразрезанной газете,
новейший самый notebook
со старым файлом на дискете.

А за окном – поблеклый снег,
испачканный, сырой и тусклый,
удодов стайка о весне
поёт с неудержимым чувством.

Стареют ветры и дожди.
Кончаются дороги, реки.
Само себя не победит
одно божественное время.

*

Я пройду по проспекту, зайду по пути в магазин.
Все дороги забыл, лишь одна остаётся моею.
Здесь особенный ветер в прозрачных берёзах сквозит,
и особенно долго сугробы сырые мелеют.

Старый сумрачный город здесь, в этих местах, не узнать.
Типовые шаблоны последней советской застройки
не пойму, почему, но прекрасней дворцов для меня,
и глухая канава дороже Фонтанки и Мойки.

Всё имеет лицо, надо только суметь посмотреть,
и способный увидеть заметит на камне улыбку.
Я раскрыл для себя самый старый и вечный секрет:
человечество юно – отсюда все наши ошибки.

Повзрослев, понимаешь – как дорого всё, что вблизи,
как бесценно всё то, что сегодня мы в жизни имеем...
К совершенству стремлюсь, но люблю я свой дом, магазин,
и дорогу одну на земле называю своею.

*

Нам до Марса каких-то четыре часа,
А достанем билет, доберемся за три с половиной.
Только всё не собратся: и сердце болит, и глаза...
И на этой работе, на этой проклятой работе свиной...

Просто выйти из дома, поймать на углу космолёт.
Попросить – посади у подъезда, мы выйдем с вещами.
И пока не опомнились, листьев не намело...
Улетим, улетим. Не погибнем, я это тебе обещаю!

*

Я знаю: всё нам только кажется;
и этот иллюзорный мир
меняется мгновенье каждое,
а с ним меняемся и мы.

Нет ничего на свете прочного.
Мир неустойчив, невесом –
мерещится – откроешь форточку...
и – улетучится, как сон...

А с ним и мы – непостоянные,
нетвёрдые, как пустота,
со всеми тайнами, обманами,
с желаньями и просто так...

Гурьбой, ватагой, пьяной кодлюю,
толпою, стадом, всем гуртом
рванём, бессмысленные, подлые,
в неведомое нам Потом.

И всё вокруг – ненастоящее,
и сами снимся, сами спим
в невидимых холодных ящиках
с остервенением тупым.

Вперёд – к наградам Неизвестного,
к улещеваньям Новизны!
Вот это, это не изменится,
вот это вечно, чёрт возьми!

*

Все мы здесь дураки, дилетанты,
неудачники и профаны.
Нет ни опыта, ни таланта.
Не хватает обычного фарга.

И ни в третьи мы, ни в восьмые
не протиснулись, не успели.
Все амбиции наши смысла
не имеют на самом деле.

И мытарствуем, как попало,
на задворках успеха, славы,
и на нас глядят с пьедесталов
те, кто признаны, те, кто правы.

– Ваше рвенье, конечно, лестно,
но у жизни свои законы.
Если вам не досталось места,
стойте в очереди спокойно.

Мы, ненужные, мы, чужие,
раздражаем великих, лучших.
Ждём в течение целой жизни
пресловутый счастливый случай.

Что-то делаем, как-то жмёмся
в стайки, в кучки, в кружки и клубы...
И, не думая ни о чём, все
почему-то творчество любим...

*

Если нам обещана встреча,
если нам её обещали,
мы дождёмся её, дождёмся,
и войдём без вещей, с вещами,
и вернёмся, как будто в дом свой,
где не будет вовек прощаний...
Если нам обещана встреча...

*

О неведомом плачет вселенская грусть,
и никто ей зато не указ.
О неведомом плачет вселенская грусть,
так что катятся звёзды из глаз.

И, о чём она плачет, не знает никто
И никто ничего не поймёт.
И горящие слёзы – крутой кипяток –
Прожигают космический лёд.

Распустила туманность свои паруса –
Магеллановы облака.
И далёким пожаром закат занялся,
заклубился, запылал.

О неведомом бредит земная грусть,
И горит навстречу любви.
О неведомом бредит земная грусть
и к небесной стремится ввысь.

*

А я доволен. Ты знаешь, я всем доволен.
И ничего другого теперь не нужно,
хоть и старик уже, и почти алкоголик,
и безработный сейчас, и всегда недужный.

Нет. Ничего, ничего мне совсем не надо.
Новое, это не значит ещё – святое.
И, хотя рай – на земле и приятней ада,
право на жизнь и на смерть всё равно – условно.

И ничего – нам с тобою – теперь. Поверь мне.
Пусть только всё – навсегда.
И останется так, как было.
Будем с тобою ходить не по водной «тверди»,
а по земному асфальту. И в этом – сила.

*

Я знаю – всё нам только кажется,
но мы стараемся понять,
зачем хороним счастье заживо
в постылой суетности дня.

Мы – беззащитные и грешные,
но тщимся рок перебороть,
пытаемся надежды скрещивать,
как кроликов или коров.

Но ничего не повторяется:
ни выходы, ни тупики.
Мы делимся последней радостью –
на веру и подъём легки.

Я знаю – всё нам только грезится,
но мы единственные здесь –
и пусть больные и нетрезвые,
но тащим свой последний крест.

*

Ах, как неумолимо хочется,
как хочется успеть повсюду!
не ради денег или почестей,
а просто пригодиться людям.

Бежим – толпой и в одиночестве,
руками машем, криком будим
внимание и жалко корчимся,
как с болью в зубе при простуде.

Как вовремя всё сделать хочется!
Как мы надеемся на чудо!
Да где там, где там!
Даже в очередь
мы не допущены покуда.

*

Нет, я не знаю – почему,
и не пойму – как так случилось.
Но, Господи, скажи на милость,
за что так много одному?

Быть может, что-нибудь одно
я принял весело и прямо,
но только не потерю мамы,
когда лишь начат путь земной.

И вот, Любовь, что движет нами,
в желанной сфере бытия...
Ты спрашивал, пойму ли я?
Прощу ли я?

Кому? –

Тебе?

Судьбе ли?

Маме?

*

Вот так иногда замираешь,
и видишь весь мир пред собой.
Идя проходными дворами,
упрёшься в высокий забор.

И кажется: прошлое – рядом,
и надо забор перелезть...
Хозяин с собакой в засаде
готовит коварную месть.

Он, свой уголок охраняя,
считает: ты – пойманный вор.
Понятно. Понятно. Понятно.
Ты сам перелез тот забор.

Невнятно тверди оправданья,
нет веры тебе ни на грош.
Годами, годами, годами
ты лезешь и лезешь... И врёшь?!

Какая такая причина
смогла бы кому доказать,
что ты не сумел научиться
ответить неправде в глаза?

Огромное громкое время
стучит, как будильник в висок
Хитрее?

Добрее?

Мудрее?

– Честнее!

И будешь спасен.

*

Поверить ли в то, что мы станем стареть
и станем совсем стариками
от злого вина и плохих сигарет
превратимся в сухих «оригами»?

Обрюзгнем, нальёмся сухой водой,
и будем – никто, как и были.
Но вот до чего нас судьба доведёт?..
Забыли, забыли, забыли...

*

Ну, вот изменилось мира лицо.
Его теперь не узнать.
Где теперь Дыркин и Виктор Цой?
Где теперь голь и знать?

Где ты, не вижу, читатель-друг,
как писал Гумилев?
Прут всё на свете...
И тут же – пруд,
Храм...
и не надо слов...

*

Слова, как известно, сводят с ума,
и болит голова.
Легка, как известно, своя сума,
она ходит сама.
Мы, как известно, живём-живём,
и однажды умрём.
И кто-то нас долго зовёт-зовёт,
но мы навсегда – вдвоём!

*

В мире – куда нас судьба заведёт?
И что нам теперь искать?
В мире – где рядом с гнилой водой
нетленна только тоска.

В мире, в который пришёл, как вошь,
но и уйдешь, как брешь.
Только увидишь, как не похож
мир на себя – хоть режь!

*

Я целый день выстаиваю здесь,
как страшный грешник – у ворот Эдема.
И жду: или Благую Весть,
или того, что уготовил демон.
Здесь – у стола, у чашек, у цветов,
у холодильника, у занавески...
И мысль свербит: За что? За что? За что
мне этот жребий выпал – неизвестность?

*

Стопудовая гиря лежит на столе,
придавила меня и лежит.
Голова моя – всмятку, а мысли в желе!
Я опять нарушил режим.

Кто хотите, ругайте меня теперь.
Да, я смертен, но смерти нет.
Я устал безумно, это – во-перв...
Во-вторых, не порвётся нерв,

тот, что держит меня и меня спасёт.
Ну, а нет, так спасайся сам.
Посмотри, как меняется мира лицо,
близорук – поднеси к глазам!

*

Стихи надо писать на асфальте
в знойный день ледяной водой,
чтобы тут же они высохали,
возвращаясь в небесный дом.

Чтобы никто не прочёл то слово,
слово, явленное с высот,
чтобы злые ночные совы
не втоптали его в песок,

чтобы жизнь, лишённая смысла,
не смогла то слово узнать!
Пусть оно станет синей высью,
под которою – благодать.

И прочтёт на бегу полслова
жизнь, в которой – и жизнь, и смысл,
чтобы выжить и выжить снова,
продержаться, вернуться в высь.

Песни надо писать на асфальте,
чтобы никто не открыл всего,
детским мелом, прутиком, пальцем
или капелькой дождевой.

Содержание

ФОНАРИ.....	3
ПОЭМА В КАМНЕ	5
«Всё пройдено. И всё, как мир, старо...»	7
«Тенисты парки. Тинисты пруды...»	7
«Мы тёрлись лбами, словно облака...»	7
«И вот мы рядом. Нежная луна...»	8
«Почему ты солнце не застишь?...»	8
«Ты приходишь ко мне, как солнце...»	8
«Тонкий снег пузырится на солнце...»	8
«Когда становишься моей...»	9
«Ты замираешь. Смотришь в темноту...»	10
«Мне кажется, что ты была всегда...»	10
«Если я упаду...»	11
«Охваченная пламенем и льдом...»	12
«Чем пахнут волосы любимых?...»	12
«Краснеет солнце. Красит неба край...»	13
«На липах выступила зелень...»	13
«Прошла зима. Смотри, зима прошла...»	13
«Зазеленело дерево любви...»	14
«Похолоданье. Ранняя весна...»	14
«Туман висит, как чистое бельё...»	14
«Не хочется из дома выходить...»	15
«Луна лимонной долькой...»	15
«Ощущение света...»	16
«Холодный воздух, улочная пыль...»	17
«Листья вертятся на ветру...»	17
«Ночь с тобой – это ночь с тобой...»	18
«Просыпаешься постепенно...»	19
«Весна. Махнём на острова...»	20
«Мне хорошо, как в небе голубом...»	20
«Оранжевые яркие шары...»	21
«Весна. Трава меняет цвет...»	21
«Так проходит земная слава...»	21
«Ждёшь и ждёшь...»	22
«Я тебя по шагам узнаю...»	23
«Быть не может! С твоих ладоней...»	23
«Хочу я в руки взять твою ладонь...»	23
«Всё – от тебя...»	24
«Я – есть. Ты – есть...»	25
«Не сумерки. Не ночь. Не белый день...»	25
«Москва мне снится. Синие мосты...»	26
«Мы – отраженья прошлого в воде...»	27

СКВОЗЬ ВРЕМЯ

«Ты где-то рядом. Едешь ли, идёшь...»	27
«Стань облаком...»	28
«Закат сквозил прозрачной бирюзой...»	29
«Проходит самый длинный...»	29
«Всю ночь не спал...»	30
«На юг, на юг летели города...»	31
«Палых листьев солнечные блики...»	31
«Серебристые листья дождя...»	32
«Сегодня ночь рожденья фонарей...»	32
«Снег – на Покров. Осенняя капель...»	32
«Холодный ветер. Больше ничего...»	32
«И пар ветвей стеклярусом блестит...»	32
«Ростки цветов. Папирус папирос...»	33
«Идут часы. Идут года...»	33
«Всё голубое. Иней облаков...»	33
«Горячий кофе. Холодный чай...»	34
«Прежде чем идти через улицу...»	34
«Готическое око темноты...»	35
«Плывут, плывут ночные корабли...»	35
«Начинается ночь на моей стороне...»	36
«Я смотрел на себя...»	37
«Сама печаль прошла передо мной...»	38
«Превыше звёзд и утвари земной...»	38
«Я тоскую по осени этой весной...»	38
«Я смотрю на эти тени...»	39
«Я вышел из дома...»	40
«К параднякам и проходным дворам...»	41
«Весна не пришла...»	42
«Холодная хрустальная весна...»	42
«Жестокий ветер. Ветер перемен...»	43
«Вот я и вырос...»	44
ЯМБ	45
«Листья падают, словно звёзды...»	47
«Непогодится. Хмурь и пасмурь...»	47
«Хочу тебя, но нет тебя со мной...»	47
«Бесцветна зелень. Петли водяные...»	47
«Пышнозелёные кусты...»	48
«При свете легче пережить...»	48
«А вот и солнце. Свет его...»	48
«Белым-бело на небесах...»	49
«Стоит туман. Кузнечик свиритит...»	49
«Безветрие. Сплошная тишина...»	49
«А жизнь чиста, как слёзы на глазах...»	49
«Идут часы, идут года...»	50

«Плакать охота. Плывут облака...»	50
«Стою на самом рубеже...»	51
«Трещит кузнечик в тишине...»	51
«Под окнами светит и светит фонарь...»	51
«Ночных стихов таинственная вязь...»	52
«Тревожусь за тебя опять...»	52
«Я – звонкий колокольчик. Ты – ромашка...»	52
«Ты – утреннее солнце в тишине...»	53
«С сердца счищается кожа сна...»	54
«Все вокруг уголки...»	55
«Мойка, покраска, бессонная ночь...»	55
«Пора, пора, пора – к тебе...»	56
«Наверно, в поезде усну...»	57
«Ночь протянулась надо мной...»	57
«Всего лишь сон...»	58
«Тревожно. Не могу уснуть...»	58
«Обратный путь. Обратный путь...»	59
«Дождь прозрачен. Кисейная осень...»	59
«Ранней осенью светит солнце...»	60
«Несладкий кофе. Сладкая тоска...»	60
«Деревья в вечности стоят...»	60
«Зима и ночь. Плавучие огни...»	61
«Станем вдруг невесомы, как дети...»	61
«Я забуду... Напомни, скажи...»	62
«Всё. Пора выходить из леса...»	62
«Я целую тебя, чтоб скорее уснуть...»	63
«Деревья стряхивают ветер...»	64
«Туман – надышанным стеклом...»	64
КАСАНИЯ МИРАМ ИНЫМ	65
«Я стою на зелёной траве...»	67
«На руках моих небо...»	68
«И шёл Господь по пажитям земным...»	69
«В невыносимой глубине...»	69
«Нет ни одного слова...»	70
«Земная быль и боль земная...»	70
«Обожжённое солнцем лицо...»	70
«Это дом моих рук...»	71
«Такой недолгий длинный день...»	71
«Повеет осенью, хоть плачь...»	71
«Когда нас спросят – кто мы таковы?...»	72
«Нам всё страшнее и страшнее...»	72
«Хрустальный свет сияет в высоте...»	72
«Запах времени. Цвет тишины...»	73
«Стрекозы-звёзды реют в темноте...»	73

СКВОЗЬ ВРЕМЯ

«Осень, осень – сырая ветка...»	74
«Всей кожей ощущаю краткость жизни...»	74
«Зайдём в кафе, там тёплый лимонад...»	75
«Если в мире дорога одна...»	76
«Я – последний землянин...»	77
«Эта улица, переулок...»	78
«Никакой реальности нет...»	79
«Хорошо на землю вернуться...»	79
«Зимний вечер. Капель за окном...»	80
«Звёздный ветер огни фонарей...»	80
«От выходных всегда чего-то ждёшь...»	80
«Густая-прегустая синева...»	81
«Хотелось бы. Да, вот не знаю, как...»	81
«Моя душа утрачивает связь...»	81
«В бутафорские домики сно...»	82
«В каком-то беспокойном полусне...»	82
«...прервали разговор, порвали нить...»	83
«Проходит эпоха...»	84
«Нет! Прошлое не умирает!..»	85
«Всё возвратится на круги своя!..»	85
«Мы на этой земле зеркальной...»	86
«Это – город-мечта, город-марево...»	87
«Холодно. Листья свернулась...»	88
«И ни встреча, и ни прощание...»	88
«Я – никто, невидимка...»	89
«Я буду дуть на белый синий снег...»	90
«Всё чаще и чаще... ржавеет замок...»	91
«Мир становится скучен...»	93
«В небе плещут зарницы. Ночная гроза...»	94
ЛИЦО МИРА МЕНЯЕТСЯ	95
«Проникнуть в тайну, угадать...»	97
«А мы ждём чуда, ждём и уповаем...»	97
СТАНСЫ	98
«Играем в жизнь и можем проиграть...»	98
«Кто мы?...»	99
«Дай, Господи, прожить и этот день...»	99
«И одуванчики цвели...»	100
«В стекле луны стояла ночь...»	100
«Проснулся...»	100
УТРО	101
ДЕНЬ	101
ВЕЧЕР	102
НОЧЬ	102
«Мама, папа, я – виновен...»	103

«И тоска, и усталость...»	103
«Вину так просто не загладишь...»	104
«Хочется что-то вспомнить...»	104
«На год, которого не будет...»	105
«Всё проходит, а мы остаёмся...»	105
«Какой-то вее радостной зимой...»	106
«Он – Небесный Паломник...»	106
«Новогодняя ночь...»	107
«Пусть сквозь стены и стёкла...»	107
РЕМИНИСЦЕНЦИЯ	108
«Я пройду по проспекту, зайду по пути в магазин...»	109
«Нам до Марса каких-то четыре часа...»	109
«Я знаю: всё нам только кажется...»	110
«Все мы здесь дураки, дилетанты...»	111
«Если нам обещана встреча...»	112
«О неведомом плачет вселенская грусть...»	112
«А я доволен. Ты знаешь, я всем доволен...»	113
«Я знаю – всё нам только кажется...»	113
«Ах, как неумолимо хочется...»	114
«Нет, я не знаю – почему...»	114
«Вот так иногда замираешь...»	115
«Поверить ли в то, что мы станем стареть...»	116
«Ну, вот изменилось мира лицо...»	116
«Слова, как известно, сводят с ума...»	117
«В мире – куда нас судьба заведёт?...»	117
«Я целый день выстаиваю здесь...»	117
«Стопудовая гирия лежит на столе...»	118
«Стихи надо писать на асфальте...»	118

СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Швец Максим Юрьевич

Сквозь время.

Издательско-полиграфическая фирма «Реноме»

Редактор – *Щепотьев С.И.*

Художественный редактор – *Ясыченко М.Б.*

Технический редактор – *Швец М.Ю*

Тел. ред. (812) 773 92 83 E-mail: schvec@mail.ru.

Подписано в печать 26.03.07. Формат 60х90 1/8

Печать офсетная. Усл.- печ. л. 7 3/4.

Тираж 200 экз. Заказ № 817

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»

(ИП Генкин А.Д.)

197002, Санкт-Петербург, наб. Обводного кан., д. 40

Тел./факс (812) 766 05 66

E-mail: RENOME@comlink.spb.ru

www.renomespb.ru